

ЕВРЕЙСКИЙ ЖАМЕРТОЧ

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Рав Ури СУПЕРФИН

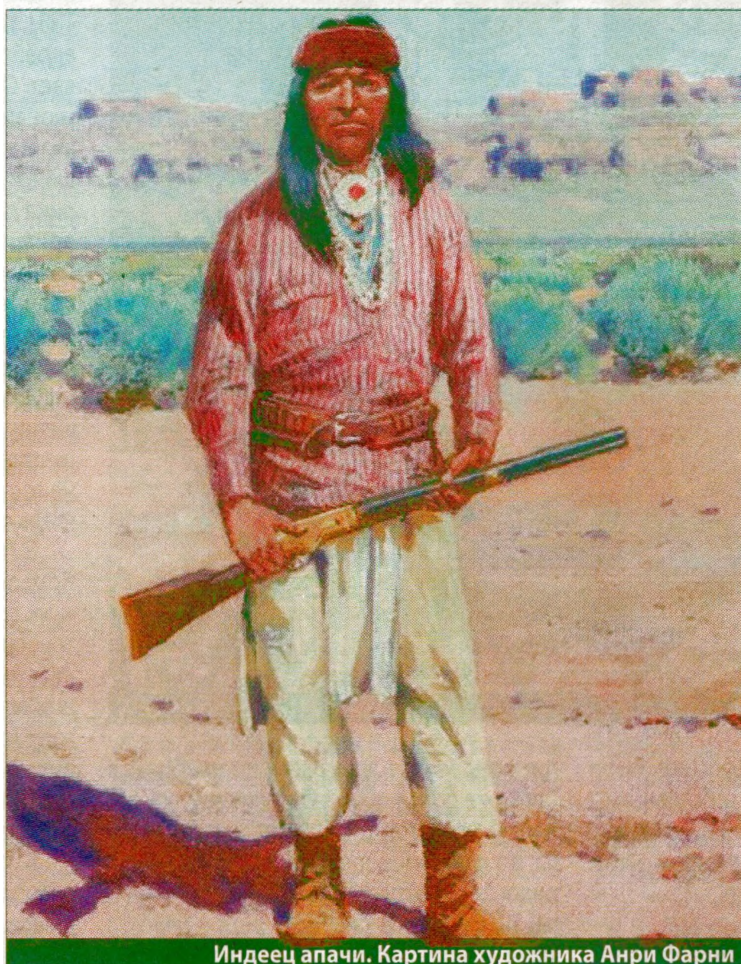
Реальность, она порой витиеватее вымысла, и уж в наших краях, где смешалось все, что только можно и нельзя, не надо удивляться ничему. Смешную и грустную одновременно историю, которую я поведаю вам, я заначил, но именно сегодня, в день годовщины гибели Илана-индейца, пришло время рассказать об этом замечательном человеке.

Отец Илана был апач по имени Ка-э-те-най или Каитинэй, это не суть. Суть была в том, что он воевал с немцами. Воевал по старинке, по-дедовски, со всеми этими макабрическими нецивилизованными сниманиями скальпов, дикими воплями и тактическими хитростями. (Например, полдня пролежать под полуразжившимся трупом и таки дожидаться появления в соседнем окопе минометного расчета фашистов с последующим перерезанием горла тому, кто не успел убежать. Гранаты он принципиально не использовал). Воевал он, воевал да и стал свидетелем освобождения концлагеря. Какого точно, неясно, да это и не суть. Суть в том, что он понял, что евреи - это европейские индейцы. Его предков уничтожали конкистадоры, жестоко и массово, только за бытность их индейцами, и с евреями сделали то же самое.

Это открытие так поразило Ка-э-те-наю, что, когда он вернулся с войны, женился и произвел на свет первенца, кроме традиционного имени Элан (типа "дружелюбный"), он дал сыну и "цивильное" имя Еврей. Jew.

Надо ли говорить, что мальчика уже на раннем этапе стал интересовать наш народ. Что-то он слышал, о чем-то читал, а потом его судьба привела к маленькой самопальной общинке относи-

ИЛАН-ИНДЕЕЦ

Индец апачи. Картина художника Анри Фарни

тельно религиозных евреев в соседнем городке, негласным лидером которой был классный мужчина из Израиля по имени Илан.

Первый же шаббат с песнями в стиле кантри и разговорами о смысле бытия далеко за полночь произвели на молодого индейца сильное впечатление. Старики его племени говорили загадками, к которым были щедро подмешаны сказания из древнего эпоса, и услышать какие-то ясные рассуждения о важных вопросах человеческой жизни для Элана было внове. Он зачастил в гостеприимную общину, в которой, узнав о его имени, принимали его, как своего.

Спустя полтора года Элан

решил, что его судьба - быть евреем и жить в Израиле. Отец, которому на тот момент было под шестьдесят, услышав о планах сына, долго молчал и курил трубку. В фильмах обычно после этого индец говорит что-нибудь очень лаконичное и мудрое, отец Элана не стал изменять канонам Голливуда. Он вынул чубук изо рта, улыбнулся и сказал: "Да давно уже пора". И все. Апачи лишнего не говорят, когда и так все ясно.

Кажется, он сделал реформистский гиюр в Калифорнии, тут не все ясно, одно известно, что в кибуце, в который он попал, прилетев в Израиль в 84-ом, он пахал на тракторе в шаббат, завернувшись с головой в талит. Чем немало при-

калывал местных старожилов. Язык у него пошел на удивление легко, видимо, благодаря усердию нечеловеческому. Далеко не любая задача могла его завлечь, но уж если он проникался ее значимостью, все, можно было быть спокойным; Илан (так теперь его звали) выполнял ее со сто процентной гарантией.

В конце 85-го он пошел в армию. Это был отдельный аттракцион. Жилистый, выносливый, как дюжина крокодилов, он мог выполнять упражнения нормативов любой сложности, бежать хоть с утра до вечера в приличном темпе и спать так мало и так чутко, что вопрос с ночным дозором у его сослуживцев решался сам собой. Служил он на юге, в секторе, служил хорошо, взялся за арабский и намастрячился ботать по-ихнему на хорошем бытовом уровне, чем не раз пользовался для дела. Однако, ментальная особенность его заключалась в том, что, как было упомянуто выше, те задачи, которые казались ему бессмысленными, он саботировал. А в армии всегда есть такие задачи. И армия не любит, когда ее не слушаются. Поэтому Илан имел смешанное отношение со стороны начальства: восхищение его возможностями, как солдата, перемежалось крайним раздражением от его молчаливых забастовок. Стандартные формы взыскания типа "губы" не производили на него ни малейшего впечатления. Сидел себе, думку думал, ни на что не жаловался. Что с индейца взять.

И тут в верхах решили создать "отряд 367". Йехидат "Шимшон". Илана взяли туда просто сходу. Главная проблема с его закидонами решалась сама собой: все задачи по новому месту службы были донельзя концептуальными и однозначно важными.

Полтора года подготовки миновали, как мгновение, и вот уже "Масок" ("Вертолет". Такое прозвище он получил в честь своего племени и в честь как раз в этот период появившихся на вооружении армии США вертолетов "Апачи") начал пополнять эпос подразделения курьезными случаями, из которых, после некоторой литературной обработки, получались замечательные байки, передаваемые из уст в уста у коллег-"дувдуванчиков" (отряд "Вишня". Схожая структура, только в наших краях, "Шимшон", светлой памяти, действовал в секторе Газы).

Так, к примеру, легенда о том, как Илан предложил хозяину табачной лавки в центре сектора за гроши поработать у того "рекламным индейцем", была крайне популярна еще в начале 90-х. Он прикинулся каким-то нелегалом, который до этого работал в туристическом бизнесе в Египте, а потом что-то натворил и должен был срочно мотать из страны. Короче, со своей классической индейской физией и в полном облачении вождя он проторчал у входа в лавку полторы недели, а потом, когда первоначальный интерес к такой колоритной фигуре малость поух и его стали воспринимать, как часть ландшафта, в один прекрасный день "вождь" вдруг "ожил", схватил в охапку какую-то важную шишку, которую давно хотели найти и допросить, упаковал того в машину охраны и был таков.

Погиб он через два года и не на боевом задании. На тренировочном прыжке у сослуживца запутались стропы, Илан подхватил его, но из-за ветра и вращения все спуталось в один клубок, который и рухнул на землю.

Покойся с миром, Илан Jew!

Александр ГОРДОН

КРАСНЫЙ ПРОРОК

Еврейские мотивы Льва Троцкого

Плакат IV Интернационала

Ни один еврей не подходит лучше Льва Давидовича Бронштейна-Троцкого, уроженца деревни Яновка Херсонской губернии, продукта одесского, секулярного, космополитического воспитания, на роль символа совершения Октябрьской революции евреями. Современный американский историк Стивен Ципперштейн пишет: "Одесса была единственным местом в России, где евреи стремились стать сто процентными европейцами... и подражали своим нееврейским соседям". В Одессе могло быть все. В ней выросли не только идеологи сионизма Лев Пинскер и Владимир Жаботинский и еврейский мыслитель Ахад а-Ам, но и космополит, теоретик марксизма, торговец оружием, театральный импресарио, организатор стачек в России, немецкий агент, доктор экономики и финансов, публицист, член российской и германской социал-демократических партий, учитель марксизма Троцкого Александр Парвус (Израиль Гельфанд). Репутацией поджигателя, разрушителя и символа революции Троцкий обязан своей вулканической энергии, руководству Октябрьским переворотом, созданию Красной армии, соучастию в организации "красного террора" и многочисленным ярким публичным речам, наполненным гневом, страстью и убеждением библейского пророка. 7 января 1918 года историк Семен Дубнов предсказал зловещую роль деятельности Троцкого в развертывании нового вида антисемитизма в России - протеста против террора Советской власти: "Нам никогда не простят ту роль, которую играли еврейские деятели революции в большевистском терроре. Единомышленники и сотрудники Ленина - троцкие и урицкие - бросают тень даже на него. Смольный институт тайно называется "Центрожид". Потом об этом будут говорить открыто, и антисемитизм глубоко укоренится во всех слоях российского общества".

О Троцком написано много, но до его еврейских комплексов добраться нелегко. Как начинался жизненный путь "красного пророка"? "Мы не знали нужды, но мы не знали и щедростей жизни... Это было сероватое детство в мелкобуржуазной семье, в деревне" - пишет Троцкий в автобиографии "Моя жизнь" (1929). "Неутомимым, жестоким, беспощадным к себе и к другим трудом первоначального накопления отец мой поднимался вверх", - замечает Троцкий в первой главе воспоминаний "Яновка". Давид Леонтьевич Бронштейн стал одной из жертв реализации идей сына-революционера. Сын беспощадно и без нотки горечи описывает ограбление и страдания отца: "Октябрьская революция застала отца очень зажиточным человеком. Мать умерла еще в 1910 г., но отец дожил до власти Советов. В разгар гражданской войны, которая особенно долго свирепствовала на юге, сопровождаясь постоянной сменой властей, семидесятипятилетнему старику пришлось сотни километров пройти пешком, чтоб найти вре-

менный приют в Одессе. Красные были ему опасны, как крупному собственнику. Белые преследовали его как моего отца... Октябрьская революция отняла у него, разумеется, все, что он нажил".

Еврейское происхождение вождь революции ощутил с раннего детства: "Десятипроцентная норма для евреев в казенных учебных заведениях введена была в 1887 г. Попасть в гимназию было совсем почти безнадежно: требовались протекция или подкуп. Осенью я экзаменировался в первый класс реального училища св. Павла". Еврей, испытавший унижения процентной нормы и слышавший об ужасах еврейских погромов, не мог не чувствовать бесправного положения евреев вне зависимости от их классовой принадлежности. Как и другие будущие еврейские революционеры, Троцкий рос как сжатая пружина ненависти к властям, но культивировал классовый подход, предпочитая его национальному.

Об отношении к еврейской религии в семье Троцкий пишет так: "Религиозности в родительской семье не было. Сперва ви-

димось ее еще держалась по инерции: в большие праздники родители ездили в колонию в синагогу; по субботам мать не шила, по крайней мере открыто. Но и эта обрядовая религиозность ослабевала с годами, по мере того как росли дети и рядом с ними благосостояние семьи. Отец не верил в бога с молодых лет и в более поздние годы говорил об этом открыто при матери и детях. Мать предпочитала обходить этот вопрос, а в подходящих случаях поднимала глаза к небесам". Не лукавил ли Троцкий? Его отец, необразованный еврейский крестьянин, не знавший о Гаскале и секулярности, был атеистом? В погромной России 1880-х годов, в местечках и деревнях было боязно и неприлично жить в безбожии и безграмотности, без знания еврейских священных книг: "Отец хотел, однако, чтоб я знал Библию в подлиннике, это был один из пунктов его родительского честолюбия, и я брал в Одессе частные уроки по Библии у очень ученого старика. Занятия наши длились всего несколько месяцев и нимало не укрепили меня в вере отцов". Желание отца учить сына

Библии было продиктовано не только честолюбием, а и стремлением к сохранению национальных традиций. Троцкий начинал изучать иврит, но интерес к Книге у него не возник: секулярный, космополитический климат Одессы и проживание в семье радикально настроенного родственника сформировали его как атеиста.

Абстрагироваться от еврейского вопроса в школьные годы Троцкому не удалось, хотя и он успокаивал себя: "Национальный момент в психологии моей не занимал самостоятельного места, так как мало ощущался в повседневной жизни. После ограничительных законов 1881 г. отец, правда, не мог больше покупать землю, к чему так стремился, и мог лишь под прикрытием арендовать ее. Но меня все это мало задевало. Сын зажиточного землевладельца, я принадлежал скорее к привилегированным, чем к угнетенным. Язык семьи и двора был русско-украинский". Об ограничительных законах 1881 года Троцкий упоминает, а о волне еврейских погромов того же года умалчивает. Он рассказывает об укреплении интернационального сознания, невзирая на антисемитизм: "Я одинаково остро ощущал и замаскированные гнусности историка по отношению к полякам, и злобную придирчивость француза Бюрнанда к немцам, и покачивание поляка головой по поводу "еврейчиков". Национальное неравноправие послужило, вероятно, одним из подспудных толчков к недовольству существующим строем, но этот мотив совершенно растворялся в других явлениях общественной несправедливости и не играл не только основной, но и вообще самостоятельной роли".

В 1903 году на Втором съезде РСДРП в Лондоне Троцкий обрушился на еврейских социалистов Бунда с критикой из-за требования культурной автономии в социалистическом движении. Идея ассимиляции евреев была его идеей фикс. В том же году Троцкий прибыл в Базель, где проходил Шестой конгресс сионистов. Он назвал Теодора Герцля "бесстыдным авантюристом".

В 1907 году Троцкий бежал из вечной сибирской ссылки, куда угодил за руководящую роль в революции 1905 года. В России бушевали еврейские погромы. Троцкий спасся и совершил турне по европейским столицам, в местах сборищ революционеров. В Париже он завершил яркое выступление словами из стихотворения немецкого поэта Фердинанда Фрейлиграта, написанного во время революции 1848 года: "Trotz alle dem und alle dem" (приблизительный перевод - "Несмотря ни на что, наперекор всему", пожалуй, впервые намекнув на этимологию своей фамилии. Дореволюционная фамилия Троцкий произошла от trotz - невзирая ни на что, вопреки всему. Революция приближалась наперекор существующим режимам.

Дело М.Бейлиса (1911-1913) застало Троцкого в Вене. Он внимательно следил за развитием событий вокруг кровавого навета, организованного царскими вла-

стями. На процессе обвиняли не только Бейлиса, но и еврейские обычаи и священные книги. Троцкий был потрясен. Он много писал об этом деле, но не мог выговорить, что на скамью подсудимых посадили еврейский народ. Под влиянием дела Бейлиса в августе 1913 года Троцкий опубликовал в газете "Киевская мысль" три статьи под названием "Еврейский вопрос". В публикациях он отклоняется от марксистского классового подхода и ставит на передний план национальный вопрос. Автор взволнован угнетением евреев в Румынии: "Триста тысяч румынских евреев не считаются румынскими гражданами. Они сами, их отцы и их деды родились на румынской почве... Любого еврея в любой момент может быть изгнан за пределы страны, как приبلудный бродяга... Вся Румыния раскрывается в своем еврейском вопросе... в бесправии румынского еврейства". Пишущий о еврейском вопросе в Румынии, Троцкий возмущается российским антисемитизмом, связывая его с румынским: "Румынией правит Пуришкевич". Имеется в виду черносотенец и антисемит, депутат 3-й и 4-й Государственной Думы В.М.Пуришкевич. Он заключает: "Антисемитизм становится государственной религией... Еврейские погромы или судебно-административные бесчинства над евреями в Румынии снова и снова ставят этот вопрос в центр европейского внимания". На деле еврейский вопрос остается в центре внимания самого Троцкого, хотя тот пытается завуалировать болезненное отношение к проблеме. Статья об антисемитизме в Румынии подсознательно выражает переживания и опасения Троцкого из-за российского антисемитизма.

Однако Троцкий не солидаризировался с евреями. Ненавидевший его за ведущую роль в установлении советской власти А.И.Куприн передает рассказ, услышанный им о вожде, со своими комментариями (1920): "Рассказывают, что однажды к Троцкому явилась еврейская делегация, состоявшая из самых древних, почтенных и мудрых старцев. Они красноречиво, как умеют только очень умные евреи, убеждали его свернуть с пути крови и насилия, доказывая цифрами и словами, что избранный народ более всего страдает от политики террора. Троцкий нетерпеливо выслушал их, но ответ его был столь же короток, как и сух:

- Вы обратились не по адресу. Частный еврейский вопрос совершенно меня не интересует. Я не еврей, а интернационалист.

И однако он сам глубоко ошибся, отрекшись от еврейства. Он более еврей, чем глубоководный и прославленный цадик из Шполы (имеется в виду рабби Арье-Лейб из Шполы (1724-1811)). - А. Г.). Скажу резче: в силу таинственного закона атавизма характер его заключает в себе настоящие библейские черты". Куприн, написавший рассказ "Гамбринус" и подписавший письмо в защиту Бейлиса, осуждает Троцкого за отход от еврейства и при этом уверен, что в его характере заключены "библейские черты", что он "более еврей"... Куприн, тонкий художник замечает дуальность героя, скрытую от него самого.

Призрак интернационализма бродил по сознанию Троцкого, подавляя мысли о еврейском вопросе.

Троцкий писал блестяще, был выдающимся оратором, зажигал толпы во время выступлений, хотя и говорил с легким еврейским акцентом. Несмотря на некоторую провинциальную неотесанность деревенского жителя, он вел себя как международная знаменитость, был вызывающе высокомерным человеком и позером. Троцкий притягивал народные массы и оттачивал товарищей по партии. А.В.Луначарский писал: "Огромная власть и какое-то неумение или нежелание быть сколько-нибудь ласковым и внимательным к людям, отсутствие того очарования, которое всегда окружало Ленина, осуждали Троцкого на некоторое одиночество" (1919). В облике Троцкого, свершителя революции, военного министра Советской России чувствовался холод и надменность. Он зачесывал назад густые волосы, черные с проседью, обнажая высокие лоб. Он носил широкие усы и небольшую подстриженную остроконечную бородку, которую устремлял вверх во время многочисленных публичных выступлений. Он носил хорошо скроенный полувоенный костюм цвета хаки, высокие солдатские сапоги офицерского образца. У главного воина революции, организатора и первого командира Красной армии были нервно движущиеся руки с длинными пальцами и жесткие, умные глаза, прикрытые пенсне. Он был резким, сильным, решительным, мужественным и жестоким человеком и предметом зависти соратников. Троцкий позировал перед зеркалом истории и представлял себя Наполеоном и Мессией для пролетариата.

Троцкого не раз именовали "демоном революции". Пока Октябрьская революция считалась, по крайней мере, в СССР, в России явлением положительным и великим достижением, Троцкого именовали черной силой, помехой революции. Ленин и впоследствии Сталин были ее светлыми силами. Но когда Октябрьская революция стала символизировать не только красный цвет левых, социалистических, спорных и даже отрицательных преобразований, сопровождавшихся пролитием морей крови, Троцкого стали представлять главным виновником трагедии. Демонизация большевистского переворота усиливала демонический облик Троцкого, к которому естественным образом подгоняли дьявольщину еврейства. Роль еврейского начала в жизни СССР и в судьбе Троцкого выкристаллизовывалась постепенно.

В 1926 году Троцкий, ведший неравную борьбу со Сталиным в московской партийной организации, встречается с проявлениями антисемитизма со стороны товарищей по партии большевиков. В письме к Бухарину он вопрошает: "Возможно ли такое? Возможно ли, чтобы в нашей партии, в рабочих ячейках, здесь, в Москве, люди безнаказанно прибегали к антисемитизму? Возможно ли это?". Боль, изумление, разочарование и потрясение звучат в словах Троцкого. Он обнаруживает то, что гнал от себя много лет: в нем видят и не любят еврея соратники по партии, которые должны были быть интернациона-

стами, а оказались антисемитами. Троцкий, который заглушает в себе еврея, ужасается тому, что другие, в отличие от него, не забыли о его еврейском происхождении. В книге "Моя жизнь" Троцкий отмечает: "Вопрос о моем еврействе стал получать значение лишь с начала политической травли против меня. Антисемитизм поднимал голову одновременно с антитроцкизмом". Он позволяет себе заметить антисемитизм, но как нечто ограниченное, мелкое, не свойственное СССР и использованное только для борьбы с неудобным врагом, чтобы окончательно свергнуть его. Троцкий недооценил значение антисемитских методов борьбы Сталина с оппозицией, в которой было много евреев. Во второй половине 1927 года был запущен лозунг "Бей оппозицию!", напоминавший известный и популярный в России лозунг "Бей жидов!". 7 ноября 1927 года оппозиция пыталась устроить в день десятилетия Октябрьской революции демонстрации протеста в Москве и Ленинграде. Сталинская милиция с легкостью рассеяла митинги. Троцкому не дали выступить. В толпе были слышны возгласы: "Долой Троцкого! Еврей! Предатель!"

14 сентября 1929 года, изгнанный из СССР в Турцию Троцкий ставит точку в своей книге-автобиографии, бросая подытоживающий взгляд на прожитую в России и СССР жизнь из стамбульского квадратного здания с зубчатыми, мозаичными башнями: "К моменту выхода в свет этой книги мне исполнится 50 лет... Я участвовал в революциях 1905 и 1917 гг., был председателем Петербургского Совета депутатов в 1905 г., затем в 1917 г. я принимал близкое участие в октябрьском перевороте и был членом советского правительства. В качестве народного комиссара по иностранным делам вел мирные переговоры в Брест-Литовске... В качестве народного комиссара по военным и морским делам я посвятил около пяти лет организации Красной армии и восстановлению Красного флота... В январе 1928 г. я был отправлен нынешним советским правительством в ссылку, провел год на границе Китая, был в феврале 1929 г. выслан в Турцию, пишу эти строки в Константинополе".

В 1936 году, во время процессов, приведших к осуждению и казни Г.Зиновьева и Л.Каменева, Троцкий из Норвегии узнает об инициированной сверху вспышке антисемитизма в СССР. 18 января 1937 года он пишет: "Если революционная волна оживит тончайшие чувства человеческой солидарности, термидорианская реакция возбудит все низкое, темное и отсталое в этом конгломерате 170 миллионов людей. Чтобы усилить свое доминирование, бюрократия даже не поколеблется прибегнуть едва ли замаскированным путем к шовинистическим тенденциям, прежде всего к антисемитизму. Самый последний московский процесс, например, был инсценирован с легка замаскированным сценарием, представляющим интернационалистов как ни во что не верящих и беззаконных евреев, которые способны продать себя германскому гестапо". Троцкий обнаруживает антисемитизм там, где, по его теории, его не должно было быть. В

статье "Термидор и антисемитизм" (22 февраля 1937 г.) Троцкий пишет: "Во время последнего московского процесса я заметил в одном из своих заявлений, что Сталин в борьбе с оппозицией эксплуатирует антисемитские тенденции в стране". Он считает провокационным и "сознательно двусмысленным" замечание Сталина: "мы боремся против Троцкого, Зиновьева и Каменева не потому, что они евреи, а потому, что они оппозиционеры". Тонко знавший антисемитские традиции страны, которой он правил, Сталин тем самым напоминал народу, что Троцкий, Зиновьев и Каменев - евреи, ход достойный Макиавелли. В той же статье Троцкий так комментирует это высказывание Сталина: "Каждому политически мыслящему человеку было совершенно ясно, что эта сознательно двусмысленная декларация, направленная против эксцессов антисемитизма, в то же время совершенно преднамеренно питала их. Не забывают, что лидеры Оппозиции - евреи". Троцкий принимал желаемое за действительное. Он считал, что советская власть несовместима с антисемитизмом, который насаждает Сталин. Однако он заметил сходство между советским и немецким режимами в разыгрывании еврейской карты. В обеих странах юдофобская традиция позволяла добиваться политических целей, опираясь на народную нелюбовь к евреям. Троцкий узнал об осуждении Г. Зиновьева и Л.Каменева на смерть. Понял ли он, что и он приговорен к тому же наказанию?

В отличие от своих предшественников и соплеменников К.Маркса и Ф.Лассалья, Троцкий никогда не выступал против евреев, а - против "мелкобуржуазных" элементов. В его критике можно распознать нападки на евреев, принадлежавших к мелкой буржуазии. Недовольство подчеркиванием его принадлежности к евреям Троцкий проявлял не раз, отказываясь признавать себя евреем и даже русским. Он демонстративно называл себя "интернационалистом", гнал мысли о еврействе своим и чужом, но бил тревогу из-за возможного прихода к власти нацистов, в которых видел большую угрозу. Его беспокоила опасность установления нацистского режима для пролетариата, а не для еврейского народа. Троцкий предостерегал: "приход национал-социалистов к власти означал бы, прежде всего, истребление цвета немецкого пролетариата, разрушение его организаций, искоренение в нем веры в себя и в свое будущее. В соответствии с гораздо большей зрелостью и остротой социальных противоречий в Германии, адская работа итальянского фашизма показалась бы, вероятно, бледным и почти гуманным опытом по сравнению с работой германского национал-социализма". Сделанное им сравнение характера итальянского и немецкого фашизма верно, как и предсказание будущей мировой войны, гораздо более страшной для человечества, чем предыдущая. В первые дни жизни в Стамбуле Троцкий выражает тревогу в связи с наступлением фашизма: "Эти послевоенные тенденции политического развития Европы не эпизодичны, они являются кровавым прологом новой эпохи... [Первая мировая] Война ввела

нас в эру высокого напряжения и великой борьбы; впереди маячат новые большие войны... Двадцатый век будет отличаться от девятнадцатого даже больше, чем современность отличается от средневековья". Троцкий ошибался: нацисты истребляли не "цвет немецкого пролетариата", а евреев Германии и Европы, не цвет евреев, а их всех подряд.

В 1937 году, осознавая все больше угрозу власти нацистов, Троцкий колеблется в применении исключительно классового подхода. Он начинает понимать, что Маркс, Ленин и он не вполне правы в стремлении навязать евреям ассимиляцию. Его уверенность в правильности борьбы с ассимиляцией евреев в 1903 году в Лондоне и Базеле сменяется сомнениями и разочарованием от недостижимого интернационализма. Действительность опровергает традиционный марксистский подход, диктующий слияние евреев с другими народами. Троцкий начинает чувствовать опасность нацизма для еврейского народа: "В течение моей юности я скорее склонялся к прогнозу, что евреи разных стран должны ассимилироваться и что еврейский вопрос таким образом исчезнет квазиавтоматическим путем. Историческое развитие последней четверти века не подтвердило эту перспективу. Загнивающий капитализм всюду повернул к жестокому национализму, частью которого является антисемитизм. Еврейский вопрос принял угрожающие размеры в наиболее высоко развитой капиталистической стране Европы - в Германии".

В 1938 году тревога Троцкого о судьбе евреев растет, а чисто классовый, марксистский подход исчезает, уступая место национальному: "Теперь очередь Франции. Победа фашизма в этой стране означала бы колоссальное усиление реакции и чудовищный рост насильственного антисемитизма во всем мире... Число стран, которые изгоняют евреев, растет без остановки. Число стран, способных принять их, уменьшается... Можно без труда представить, что ожидает евреев, как только разразится будущая мировая война. Но даже без войны будущее развитие мировой реакции определенно означает физическое уничтожение евреев". Прогноз Троцкого, не основанный на марксистском подходе, оказывался печально точным.

После "Хрустальной ночи" в нацистской Германии Троцкий пишет 22 декабря 1938 года: "Евреи разных стран создали свою прессу и развили язык идиш как инструмент приспособления к современной культуре. Таким образом, следует принять во внимание тот факт, что еврейская нация будет сохранять себя в течение целой предстоящей эпохи. Сейчас нация не может нормально существовать без общей территории". Где марксистский подход? Где разделение на еврейскую буржуазию и еврейский пролетариат? Троцкий приходит к выводу о необходимости территории для решения еврейского вопроса. Походка фантома интернационализма в его сознании становится менее уверенной. Волнение вождя о судьбе евреев растет. Но он отвергает существовавшие на тот момент территориальные решения ев-

рейского вопроса, подпирая свои выводы марксизмом: "Палестина является трагическим миражем, Биробиджан - бюрократический фарс... Конфликт между евреями и арабами в Палестине приобретает все более трагический и более угрожающий характер. Я совершенно не верю, что еврейский вопрос может быть разрешен в рамках загнивающего капитализма и под контролем британского империализма". Троцкий, борец с капитализмом и империализмом, не в состоянии принять идею еврейского национального строительства без совершения социалистической революции. В 1934 году Троцкий ответил на вопрос французского корреспондента "Какова ваша позиция о Палестине как о возможной еврейской Родине и о территории для евреев вообще? Не верите ли вы, что антисемитизм германского фашизма побуждает к другому подходу к еврейскому вопросу среди части коммунистов?" Вождь ответил в духе марксизма: "Оба эти фактора - и фашистское государство в Германии, и так же арабо-еврейское противостояние, выдвигают вперед новые и очень ясные свидетельства того, что еврейский вопрос не может быть разрешен внутри капиталистической системы. Я не знаю, смогут ли евреи снова выступить как нация. Тем не менее не может быть сомнений, что материальные условия для существования еврейства как независимой нации могут быть созданы только пролетарской революцией". Не желавший слышать о существовании еврейства как независимой нации, Троцкий использует ранее отрицаемую им в борьбе с Бундом и сионистским движением национальную терминологию и допускает приобретение еврейским народом территории.

В июле 1940 года, за несколько дней до убийства Троцкого Рамоном Меркадером (20 августа), вождь выражает свое мнение, анализирует и ошибается в предсказании будущего еврейского народа на его исторической Родине: "Попытка решить еврейский вопрос с помощью миграции евреев в Палестину может теперь выглядеть как трагическая клоунада еврейского народа. Заинтересованное в завоевании симпатий арабов, более многочисленных, чем ев-

реи, британское правительство резко меняло свою политику по отношению к евреям и в действительности отсеклось от обещания помочь им обрести их "собственный дом" в чужой земле. Будущее развитие военных событий превратят Палестину в кровавую ловушку для нескольких сотен тысяч евреев. Никогда не было так ясно, как сегодня, что спасение еврейского народа неразрывно связано с свержением капиталистической системы". "Красный пророк" видел мир в красном свете. Он правильно понимал стратегию Англии, но недооценивал силу стремления еврейского народа к независимости. Борец с империализмом, Троцкий не сумел предвидеть крах британского империализма вообще и на Ближнем Востоке в частности. Еврейский народ был спасен на своей Родине без свержения капиталистической системы. Троцкий передавал сигналы на марксистской волне. Национальные волны были вне диапазона его понимания.

Уже шла Вторая мировая война, когда Троцкий был казнен террористом по приказу Сталина. Он погиб в результате "красного террора" одиночки, подготовленного громадной террористической машиной Сталина. Он ушел из жизни, которую видел сквозь линзы социалистических очков. Перманентная революция, в совершение которой он верил, не происходила. СССР приближался на его глазах к гитлеровской Германии и отдалялся от той социалистической республики, которой он дал жизнь 7 ноября 1917 года, в день своего рождения. Он не дождал войны между двумя режимами, сходство между которыми в еврейском вопросе его пугало.

Еврейское подсознание богато революционными течениями. Троцкий поддерживал, развивал и пропагандировал идею мировой социалистической революции К.Маркса и перманентной революции А.Парвуса. Национальная революция в России была для него мелкой идеей. Она естественнее звучала бы в устах представителя коренной нации. Троцкий мог солидаризироваться только с наднациональной революцией. Ему был нужен мировой масштаб, мировая революция, про-

исходящая как цепная реакция в одной стране за другой. Под эгидой мировой и постоянно захватывающей все новые и новые нации революции можно было замаскировать огромную еврейскую энергию Троцкого, подсознательно направляемую представителем угнетаемой нации против ее угнетения и угнетателей. Раз революция идет перманентно, с постоянным ростом числа наций-участниц, ее совершение не бросает тень на еврея Троцкого, который в сущности желает освободить себя в своей стране (а позже во всех странах, где он жил) и выдает свою локальную цель за международную. Как и многие выдающиеся представители эмансипированного и эмансипирующего себя еврейства, Троцкий был охвачен манией величия, являвшейся оборотной стороной еврейского комплекса неполноценности. Сверхактивное участие Троцкого в социалистическом и коммунистическом движении было результатом его бегства от тягостной национальной принадлежности и следствием ассимиляции в универсальном нееврейском мире. Разрыв с национальными традициями превращал Троцкого в радикала, действующего во имя универсализма и против еврейства. Троцкий с большим рвением стряхнул с себя принадлежность к еврейству и выглядел искренне преданным интернациональному пролетариату. Присоединение к идеологии решения универсальных, мировых задач освобождает от бремени еврейства. Троцкий прошел ритуал очищения от еврейства окунанием в интернационализм.

Черчилль размышлял о роли еврейского происхождения Троцкого: "В 1922 году уважение военных к личным позициям и методам Троцкого так выросло, что он мог стать российским диктатором при поддержке вооруженных сил, если бы не одно судьбоносное препятствие. Он был евреем. Он все еще был евреем, и ничего с этим нельзя было поделать. Ничто не могло это изменить. Перенести тяготы судьбы, бросить семью, опозорить свой народ, наплевать на религию отцов, объединить еврея и нееврея в общей ненависти - все это для того, чтобы по такой глупой причине упустить столь великий трофей?". "Трофей" - власть над Россией. Троцкий действительно "наплевал на религию отцов". Он не желал идентифицировать себя с еврейским народом. Но многие идентифицировали его с евреями, в том числе и Черчилль. Его выдающаяся роль в революции и гражданской войне сделала его исторически значительной фигурой. Невзирая на отчуждение от еврейского народа, отстранение от него и служение "мировому пролетариату", Троцкого отождествляли с еврейством. В его подсознании шла борьба за и против еврейства. Он не любил нацию, из проблем которой образовалась его мотивация действовать на благо мировой революции, но в последние годы жизни его охватил трепет беспокойства о судьбе еврейского народа, принадлежность к которому он маскировал, подавлял и скрывал.

КАК ЖИЛА В СССР В 1920-е ЕВРЕЙСКАЯ ЖИВОТНОВОДЧЕСКАЯ КОММУНА "ГЕРОЛЬД"

Павел ПРЯНИКОВ

В 1925 году около 40 семей американских и канадских евреев левых убеждений приехали в СССР строить животноводческую коммуну "Герольд". Им выделили землю в подмосковном Барыбино. За два года им удалось добиться надоев в 3 тыс. литров на корову - в 2-3 раза выше, чем в Подмосковье. В 1930-е коммуна была ликвидирована советскими властями.

Во второй половине 1920-х - начале 1930-х была популярной песенка с припевом: "При помощи Америки построим коммунизм!" В это время США стали одним из главных агентов развернувшейся в СССР индустриализации - заводы строились по американским технологиями, их обслуживали (а также обучали советских рабочих и инженеров) американские специалисты. Всего в СССР в эти годы приехало до 40 тыс. специалистов из США (а также до 30 тыс. человек - из других стран, в первую очередь из Германии).

Иммиграция иностранных специалистов подразделялась на промышленную и сельскохозяйственную. Если в промышленной дела обстояли неплохо (приехавшие инженеры, высококвалифицированные рабочие трудились на ЗИСе, Горьковском автозаводе, Сталинградском тракторном и других "гигантах"), то с сельскохозяйственной иммиграцией были большие проблемы. Советская власть сильно желала заполучить иностранные технологии и в сельское хозяйство, включая переработку продукции.

Но примеры иностранных сельхозпредприятий в СССР были - немецкие, швейцарские, американские и прочие хозяйства, чьей главной заслугой стал не вал продукции, а передовые технологии, внедрение новых сортов в растениеводстве и пород в животноводстве.

Одну из таких коммун под названием "Герольд" основали американские и канадские евреи социалистических убеждений. В документах МК ВКП(б) читаем о коммуне "Герольд", которая находилась в Подмосковье между станциями Барыбино и Белые Столбы. "В коммуне 37 семей и одиночек. Ожидается в ближайшее время приезд из Америки последних 8-ми членов колонии. Всего же едоков 70. Все члены коммуны - евреи, только что приехавшие из США и Канады. Приехали: 1-я группа в январе, 2-я в марте и 3-я в мае 1925 г." Часть этих поселенцев ранее были российскими подданными, уехавшими в США около 20 лет назад. Землю для "Герольда" передало Центральное управление Государственных автомобильных заводов.

Американская коммуна ставила перед собой задачу "возрождения молочного животноводческого хозяйства с применением американского способа силосного кормления животных". За 1926-1927 годы число коров здесь было увеличено с 26 до 60, а надои доведены до 3050 литров на корову со средней жирностью 4,2%. В это время в Московской области средний надой на корову составлял 1400 литров, а в среднем по России - 1200 литров, при средней жирности 3,6%. Таким образом, американские евреи получали надои в коммуне "Герольд" в 2-2,5 раза выше, чем в СССР (и на 20% выше - по жирности).

Коммуна имела два трактора, сеялку, косилку, дисковые бороны, навозоразбрасыватель и другую сельскохозяйственную технику. Валовой доход коммуны в 1925 год по полеводству и животноводству составил 9 тысяч рублей, а в 1928 году по полеводству - 16.900 рублей и по животноводству - 36 тысяч рублен. В 1928 году коммуна имела уже 70 коров. В среднем один американский работник на подмосковных землях приносил дохода в 2,5 раза больше, чем советский единоличник или работник совхоза.

Уездный комитет партии работу "Герольда" широко популяризировал среди крестьян-единоличников, студентов московских сельхозвузов и сельхозспециалистов. Так, только за шесть месяцев 1928 года в коммуне побывало 1600 экскурсантов.

Одна из советских газет писала в 1928 году о работе коммуны "Герольд":

"В 60 километрах от Москвы, в двух километрах от станции Барыбино, располагалась коммуна "Герольд". Уже при самом въезде в коммуну поражает грандиозность сельскохозяйственных сооружений.

Огромная, с добрый трехэтажный дом, вырастает перед вами силосная башня, в которой заквашиваются корма для коров коммуны. Материал для силосования в башню подается посредством огромных механических вил. От башни идет подвешенная железная дорога. Вагонетки с грузом везут силосованный корм в стойла коров. Огромное светлое помещение, выкрашенное в белую краску, — таково первое впечатление от скотного двора коммуны.

Около каждой коровы находится датская кормушка, причем порция, находящаяся в ней, строго вымерена и проверена. Здесь разводится племенной скот - ярославки и швицки.

Коммуна "Герольд" существует уже три года. Три года назад бывшие эмигранты приехали вооруженные американской

Кормление птицы на птичнике сельскохозяйственной коммуны "Герольд"

Праздник первой борозды в сельскохозяйственной коммуне "Герольд"

Группа рабочих-пропагандистов Сокольнического района, совершивших экскурсию в сельскохозяйственную коммуну "Герольд", беседуют с членами коммуны во время отдыха

Член сельскохозяйственной коммуны "Герольд" за чтением газеты в уголке отдыха

техникой и крепкой верой в социалистическое строительство.

Сейчас в коммуне около 40 человек. Если невелика сама коммуна, то огромно то влияние, которое она имеет на окрестных крестьян. Она снабжает своими машинами ближайшие деревни, она дает племенных телят крестьянам. В то же время своим примером она показывает, как следует строить новое сельское хозяйство".

Однако усиление сталинского режима (отказ от демократизма, свободных дискуссий и т.п.) угнетающе подействовал на членов коммуны. Для налаживания путей взаимодействия с коммуной "Герольд" туда был направлен уполномоченный Центрального бюро Еврейской секции при ЦК ВКП(б). В своем отчете он писал: "Члены коммуны были полностью разочарованы в своих мечтаниях. Мы чувствуем себя здесь похороненными заживо, лишними, никому не нужными людьми. Там, в

Америке, каждый из нас был нужным винтиком в механизме, активным участником политической жизни. Мы посещали клубы, собрания, митинги. Здесь мы одиноки, все серо, угрюмо и буднично. Не так мы себе все представляли".

Вскоре также выяснилось, что изначально договор коммуны на аренду предоставленной ей земли и инвентаря, заключенный с Центральным управлением государственного автомобильного завода (ЦУАЗ) был оформлен хитро: организация в любой момент могла потребовать землю обратно, с выплатой компенсаций за проделанные работы и сооружения. Начиная с 1929 года ЦУАЗ стал брать землю "Герольда" обратно - в этот год из прежних 400 десятин у коммунаров осталось только 110.

К концу 1931 года американцы и канадцы приняли решение ликвидировать коммуну "Герольд" и уехать обратно к себе на родину.

Такая же участь постигла соседей "Герольда" - сельскохозяйственную коммуну швейцарских иммигрантов под названием "Солидарность". Многие из коммунаров вернулись в Швейцарию, другие подались к немцам Поволжья. А на основе отобранных хозяйств "Герольд" и "Солидарность" Лопасненского (ныне Чеховского) района Московской области местными властями был создан совхоз "Васькино". До 1937 года на землях бывшей "Солидарности" и "Герольда" дожил лишь один коммунары - швейцарец Иоганн Гофштетер. В конце 1937 года его арестовали и расстреляли на Бутовском полигоне.

"Толкователь"

ОБ ОДНОМ СТИХОТВОРЕНИИ

Феликс РАХЛИН

Вьюга. Ночь...

*Вьюга, ночь... Поле, полное мертвых.
Поле боя метель замела.
Кровь фонтанами так и замерзла
На окоченевших телах.
На мальчишеских трупах застывших
Стынут конусы красного льда.
Мой товарищ, ты стонешь, ты жив еще,
Что ползешь через поле сюда?
Мой товарищ, спаси тебя поздно мне,
Ты в крови, ты людей не зови.
Дай-ка, лучше, таща тебя по снегу,
Отогрею ладони свои.
Не кричи и не плачь, словно маленький,
Ты не ранен, ты только убит,
Дай-ка, лучше, сниму с тебя валенки,
Мне еще воевать предстоит.*

Александр Коренев, 1942

Читатель, вы, конечно, узнали среди этих 16-ти строк восемь знаменитых, опубликованных в свое время Е.А.Евтушенко в "Огоньке" и в его антологии "Поэт в России - больше, чем поэт" как стихотворение НЕИЗВЕСТНОГО ПОЭТА, цитированное в таких прославленных прозаических книгах о войне, как "Живые и мертвые" В.Гроссмана, "Прокляты и убиты" В.Астафьева...

Затем Евтушенко опубликовал имя "подлинного автора", отыскавшегося в Израиле, - им оказался уникальный человек, недавно покинувший наш мир, личность почти легендарная - танкист, хирург-ортопед, поэт и прозаик - Ион Лазаревич Деген (о его подвигах и заслугах "НН" писали многократно).

Я связался с ним и много лет общался по телефону и в Интернете, ощутив его как человека необычайной скромности: например, он, талантливый литератор, не имея специального литературного образования, обращался ко мне за консультацией по интересующим его практическим вопросам композиции рассказа, наивно считая, что я как филолог "лучше в этом понимаю"...

И вот, представьте, что примерно с 90-х годов, получив из Харькова по-смертно изданную там книгу стихов А. Коренева "Черный алмаз" (Стихотворения. Харьков, Клио, 1994) и будучи знаком, а затем вступив в общение и переписку с составителем (совместно с вдовой автора Г.Кореновой) книги и автором предисловия харьковским филологом, редактором, фольклористом и преподавателем культурологии в Политехническом университете Михаилом Красиковым, - я ни разу не обсудил с Дегеном этот вопрос и не стал тревожить его своими сведениями, ни слова не рассказав ему о вышедшей там книге (боюсь его огорчить). Между тем ей предпослана была тогда следующая аннотация:

"Фольклорный вариант стихотворения Александра Коренева "Вьюга. Ночь..." Е.Евтушенко напечатал в "Огоньке" как

Александр Коренев

"стихи неизвестного поэта", назвав автора гениальным и согласившись с мнением М.Луконина, что это лучшее стихотворение о войне.

А.Коренев (1921-1989) - автор более 20 поэтических книг. Однако главные свои стихи поэт при жизни напечатать не мог; они были скроены не по меркам соцреализма.

В предисловии к "Избранному" (1979) поэта Е.Винокуров писал: "Бесспорно одно - это настоящие стихи. Слишком много в них действительной боли, опыта, всего - и горького и радостного. Не так-то много сегодня поэтов, творчество которых было бы столь подлинно самобытным, как творчество Коренева".

Значительная часть произведений, вошедших в сборник, публикуется впервые.

Насколько я могу судить по предисловию, составитель встретился с именем А.Коренева в документах архива харьковского, погибшего на фронте, известного поэта Михаила Кульчицкого, учившегося вместе с Кореневым в Литературном институте. Коренев и после войны жил в Москве, умер лишь в 1989 году, и примерно к этому времени сыскался как тоже автор тех же стихов наш израильский Деген. Представьте, какой мог разразиться скандал и с каким недвусмысленным запахом. Отчего же не разразился?

На мой взгляд, благодаря исключительной порядочности и добротной, истинной интеллигентности Михаила Михайловича Красикова. Я познакомился с ним на традиционных в Харькове ежегодных Чичибабинских чтениях, когда был в гостях у сестры в мае 1995 года. Поэт и филолог М.Красиков (1959) - один из верных поклонников Бориса Чичибабина.

Но что же на самом деле произошло? Ведь, по воспоминаниям самого Иона, он, находясь в конце войны, а затем и в первый послевоенный период именно в Москве на лечении своей злополучной (раненной трижды в разное время) ноги, выбрался однажды в Союз писателей, выступал там в присутствии известных

Ион Деген

поэтов, в том числе и с этим (из восьми строк) стихотворением, снискал упреки в "прославлении мародерства" и ответил каким-то резким поэтическим экспромтом против обвинителей... Это сходится, помнится, с чьими-то воспоминаниями. Впоследствии, однако, бывший воин занялся учебой в мединституте, а затем лечебной и научной работой и надолго прекратил свои литературные штудии.

28 апреля с.г. Ион Деген умер, а уже 29-го я написал Михаилу Красикову (с которым активно переписываюсь). Вот отрывок из моего к нему письма:

"Не допускаю и мысли о сознательном присвоении Ионом чужих строк. По целому ряду наблюдений, бывают случаи невольного, неосознанного заимствования. Так Б.Чичибабин в финале стихотворения "Смутное время" поставил строки "И никто нам не поможет. И не надо помогать", которые оказались принадлежащими перу эмигрантского поэта Георгия Иванова (и тоже заключительными) в одном из его стихотворений ("Хорошо, что нет Царя..."). После чего Борис стал их в последующих изданиях закавычивать.

Так что не исключено, что Ион Деген при знакомстве с солдатскими записными книжками или тетрадями, в общении с воинами, прочитал или услышал стихотворение Коренева, и оно запечатлелось в его молодой памяти. А дальше уже процесс пошел... Вам как фольклористу законы "обкатки" произведений устного народного творчества знакомы лучше, нежели мне. Ясно одно: в варианте Дегена стихотворение явно лучше - оно отделано, сокращено, избавлено от ненужных подробностей".

У Иона Дегена это стихотворение помечено 1944-м годом, в изданном в Харькове "Черном алмазе" А. Коренева - 1942-м.

Если датировка кореневского стихотворения точна, то его изначальное авторство бесспорно. Однако тут нет и не было банального переноса, а было рождение... фольклорного чуда. В любом случае при решении вопроса об автор-

стве полагаю неправильным выгадывать в чью-либо пользу. Но ведь ужасно несправедливо умалчивать о первом из... соавторов! "Не займетесь ли, - писал я, - этой хитрой проблемой? Мне чудится в этом случае источник для ценных фольклорных наблюдений. А Вы находитесь в плодотворном возрасте для такого рода научной работы..."

Представляю, что Ион Деген и Александр Коренев, повстречавшись, вполне дружественно поговорили бы: честные воины, честные поэты. Но если за дело возьмется "кандидат наук" (в том презрительном смысле, который вложил в этот неологизм "Ваш" Коренев), то может родиться склока: хотя авторов-соавторов уже нет на свете, но у обоих остаются больельщики и, возможно, среди них есть люди недобросовестные".

Понимая, что со стороны исследователя (М.Красикова) непременно надо ждать продолжения его изысканий, я несколько не ошибся. Вот его ответ на мое письмо, пришедший недавно. Он, в частности, пишет: "За Дегена спасибо. Я преклоняюсь перед ним как личностью, ценю как писателя, но считаю автором "Валенок" Коренева, о чем написал статью, которую не хотел публиковать при его (Дегена. - Ф.Р.) жизни. Со временем опубликую".

Стихотворение это цитировалось многократно и ставилось в центр литературной жизни Дегена, так что он даже признавался в нелюбви к нему, в его "заигранности". При всех обстоятельствах уверен: Красиков в своей обещанной публикации сохранит, как я уверен, безупречную тактичность к памяти Иона Лазаревича. Но, может быть, следует что-то опубликовать и здесь? Ведь стихотворение Коренева напечатано уже без малого 25 лет назад - с попыткой связать его и первую публикацию восьмистишия "неизвестного автора" в антологию Евтушенко?

ОТ РЕДАКЦИИ: Безусловно в описанной ситуации мы имеем дело с литературным, так сказать, казусом, который, нет сомнения, был бы разрешен самим Ионом Дегеном, так что можно лишь пожалеть, что он "всплыл" лишь после его кончины. На наш взгляд, речь, в сущности, идет о двух (а не об одном) разных стихотворениях. Если первое сосредоточено на изображении поля битвы, то второе ставит в центр внимания смертельно раненного солдата. Оно резко укрупняет план показа, заостряет внимание читателя на гибели воина и сложном отношении к ней свидетеля этого драматического события. Три финальные строки (вольные или бессознательно заимствованные у А.Коренева) становятся благодаря этому единственно необходимыми. И в этом смысле авторство Иона Дегена оспорено быть не может. Не случайно запоминается именно стихотворение из восьми строк, каким оно и было включено в антологию Евтушенко.

Наум ВАЙМАН

Посмотрел фильм Марии Шредер "Стефан Цвейг: прощание с Европой". В самом большом зале тель-авивской Синематеки собралась не просто интеллигентная, а явно интеллектуальная и "значимая" в культуре публика, средний возраст - лет семьдесят (вчерашний мир). Фильм, на мой вкус, довольно скучный, хотя по-своему стильный. По сути - снятый на пленку театральный спектакль: всего несколько мизансцен на разных остановках изгнания, и разговоры, разговоры, разговоры... Сам Цвейг-пацифист, прекрасно сыгранный Иосифом Эдером, такой милый и умный, раздражал еще больше. В 36-м, во время международного съезда писателей в Буэнос-Айресе он отказывается осудить режим в Германии ("я четыре года там не был, и не знаю, что в стране происходит"), а в 42-м, уже накануне самоубийства, он с чувством глубокого разочарования говорит, что теперь никто в Европе не думает о мире. Какого черта о мире, когда идет такая война и нужно думать только о победе! Типичный еврейский "шаломник", как говорят в Израиле: он не на стороне своего, еврейского народа и даже не на стороне "прогрессивных сил", он "на стороне мира", а поскольку в этом мире никто о мире не думает - ему здесь делать больше нечего. Все бы леваки так. Однако ведь есть довольно задиристые...

Придя домой, я заглянул в его последнюю книгу "Вчерашний мир". Самоубийством в феврале 42-го он расписался под этим горьким итогом. И с первых же слов пахло чем-то таким знакомым...

"Я родился в 1881 году, в большой и могучей империи, в монархии Габсбургов, но не стоит искать ее на карте: она стерта бесследно.

Да, он считал Европу своей родиной. И Вену ценил, потому что нигде не ощущал себя европейцем с такой легкостью. А чумой, погубившей эту "родину", он считал национализм.

"На моих глазах росли и распространяли свое влияние такие массовые идеологии, как фашизм в Италии, национал-социализм в Германии, большевизм в России и прежде всего эта смертельная чума - национализм, который загубил расцвет нашей европейской культуры".

Не фашизм, не большевизм погубил культуру, а национализм. Типичный взгляд еврея, возжелавшего забыть о нациях, и прежде всего о своей, или уже родителей воспитанного "в забвении". Попытка найти родину в культуре, отсюда и отрицание национального характера любой культуры, непременно "наднациональной". Доживи он до наших дней, и Израиль бы невзлюбил - не о том мы мечтали в столицах великих империй.

"Благодаря их (евреев.- Н.В.) страстной любви к этому городу, их стремлению к ассимиляции они прочно обосновались здесь и были счастливы служить славе Австрии; они чувствовали свое австрийство как предназначение и долг перед миром".

Писатель (с детства полюбил идею со-

ВЧЕРАШНИЙ МИР

дружества как главную идею моей жизни, а город, мол, еще во времена Марка Аврелия защищал римскую, универсальную культуру". И тут же характерное признание: "...даже когда Луэгер, лидер антисемитской партии, стал бургомистром, это никоим образом не отразилось на личном общении, и что касается меня, то я должен признать, что ни в школе, ни в университете, ни в литературе никогда не испытывал никаких притеснений как еврей".

Даже когда... Если факты противостоят твоим мечтам, то тем хуже для фактов. Отказывая своей нации в праве на жизнь, эти прекраснотупые зомби стремились разрушить и другие, в том числе те, среди которых жили. То есть, бессознательно или осознанно, были подрывным элементом. И тут как тут - великая австрийская культура, созданная стараниями этих добрых, конечно же наднациональная, имперская, всеевропейская:

Как раз в последние годы венское еврейство - подобно испанскому перед таким же трагическим исходом (подчеркнуто мной. - Н.В.) - стало творчески плодотворным, создав искусство отнюдь не специфически еврейское, а напротив, глубоко и подчеркнуто австрийское, венское по сути. Гольдмарк, Густав Малер и Шёнберг стали международными авторитетами в новейшей музыке... Гофмансталь, Артур Шницлер, Беер-Гофман вывели венскую литературу на европейский уровень...

Национальная гордость проявляется у него в восхищении вкладом евреев в великую австрийскую культуру (как все похоже, будто я на своей московской кух-

не спорю в середине 70-х с евреями, толкующими мне о "великой русской культуре!"): "...безмерен вклад, который еврейская буржуазия внесла в венскую культуру своей поддержкой и непосредственным участием. Евреи были основной публикой, они заполняли театры, концерты, они покупали книги, картины, они посещали выставки, и благодаря более гибкому, менее связанному традицией восприятию они повсюду становились поборниками и инициаторами всего нового. В девятнадцатом веке почти все крупные коллекции произведений искусства были созданы ими; они способствовали почти всем художественным экспериментам..."

Но когда "aborигены", еще не осознавшие, что все дело в забвении национальной принадлежности, посмели проявить инициативу с национальной окраской - такое время писатель называет "антисемитским" - их ждало неизбежное поражение: "когда в антисемитские времена один-единственный раз попытались основать так называемый "национальный" театр, то не нашлось ни авторов, ни актеров, ни публики; через несколько месяцев "национальный театр" с треском провалился".

Немецкий национальный театр был провален еврейским интернациональным кагалом, и сила идеологии такова, что многоумному писателю даже в голову не приходит, что это может служить причиной возмущения аборигенов и всех тех ужасов разрушения культуры, о которых он повествует. Что именно он, и такие, как он, - подлинные виновники Катастрофы. В 1920 году, после того как Англия приняла декларацию Бальфура о создании ев-

рейского "национального дома" в Палестине, и не было еще никаких ограничений на приезд в страну - это был шанс изменить еврейскую историю и спасти миллионы, - будущий президент Израиля Хаим Вейцман в отчаянии воскликнул: "Где ты, народ Израиля?!" Миллионы остались "дома", в Европе, "на родине"...

Конечно, причин на то было много, в том числе конкретных и практических, но была и идеология, которая отвергала такое решение, идеология "прогресса, терпимости и дружелюбия", как выражается Стефан Цвейг. Эту идеологию тупого прекраснотупия я называю левой. И писатель, уже наученный горьким опытом, отдает себе отчет в ее иллюзорности!

"Девятнадцатое столетие в своем либеральном идеализме было искренне убеждено, что находится на прямом и верном пути к "лучшему из миров". И эта вера в нескончаемый, неукротимый "прогресс" имела для той эпохи поистине силу религии".

Совершенно верно, инженер человеческих душ все понял правильно, эта идеология, а вернее религия, и сегодня сильнее всех других. Но признается: если факты против иллюзий - тем хуже для фактов.

"Но даже если это была иллюзия, то все же чудесная и благородная, более человечная и живительная, чем сегодняшние идеалы, и в нее наши отцы верили. И что-то в глубине души, несмотря на весь опыт и разочарование, мешает полностью от нее отрешиться. То, что человек впитал с материнским молоком, остается в его крови навсегда. И вопреки всему тому, что каждый день мне приходится слышать, всему, что и сам я, и мои многочисленные друзья по несчастью познали путем унижений и испытаний, я не могу до конца отречься от идеалов моей юности, от веры, что когда-нибудь опять, несмотря ни на что, настанет светлый день".

Настанет, настанет. Этим светлым днем Европы, вашими молитвами, станет ислам.

Когда фильм кончился и пошли беззвучные титры с именами актеров и других участников, я изумился происходящему: весь зал, без исключения, остался сидеть на своих местах. И это притом, что обычно израильская публика уже при первых признаках окончания представления ломится к выходу, сметая все на своем пути. Не зря я подметил, что публика на этот раз была особо интеллигентная. "Леваки", - подумалось. - Они в шоке. Может быть, что-то поняли?" Народ, однако, все сидел и сидел. Все еще грезил о Европе? И тогда я встал и заорал по-русски: "Вставай, проклятьем заклейменный!" Народ вздрогнул, что-то забурчал, оглядываясь, и с трудом зашевелился. Тогда я затыкнул любимую: "Никто не даст нам избавленья, ни Бог, ни царь и не герой, добьемся мы освобожденья своею собственной рукой!" Меня обозвали на иврите психом (мешуга), по-русски - идиотом, и на нескольких языках попросили заткнуться. Однако постепенно и понуро народ все-таки потянулся к выходу.

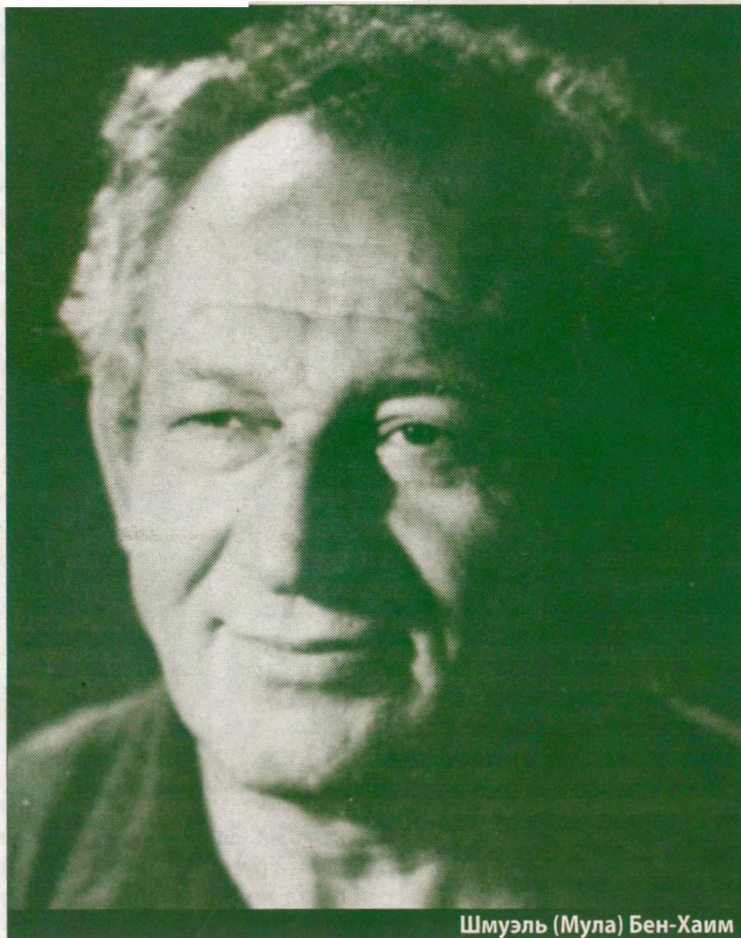
**Алек Д. ЭПШТЕЙН и
Андрей КОЖЕВНИКОВ**

Израильский живописец Мула Бен-Хаим родился под именем Шмуэль Косыцянский 30 июля 1916 года в польском городе Лида, находящемся сегодня в Гродненской области на территории Белоруссии. Учился он в ивритской гимназии "Тарбут", а также брал уроки рисования и игры на скрипке и мандолине у частных педагогов; с тех пор - и на всю жизнь - музицирование имело для него очень большое значение, даря вдохновение и радость. В возрасте двадцати лет, в 1936 году, он был призван в польскую армию, служил в артиллерийских войсках. С началом Второй мировой войны попал в немецкий плен, откуда бежал - вначале в родную Лиду, а оттуда в Вильнюс, в который вскоре вошли советские войска. В столице Литвы он год проучился в Академии художеств, одновременно с этим работая художником-декоратором в польском театре. После нападения Германии на Советский Союз был задержан, но сумел освободиться и выжить, добравшись до Узбекистана. Там, работая в колхозе, ему удалось пережить ужасы Второй мировой войны и Холокоста, унесших жизни всей его семьи.

После окончания войны вернулся в Вильнюс, а оттуда в Польшу, которую, однако, вскоре тоже покинул, осознавая, что после массового соучастия поляков в убийствах сотен тысяч местных евреев, строить будущее в этой стране невозможно. Совместно с группой товарищей по сионистскому молодежному движению "А-шомер а-цаир" он активно участвовал в организации нелегальной еврейской иммиграции переживших Холокост европейских евреев в Эрец-Исраэль, куда сам сумел добраться в июле 1947 года через Белград. Именно там, в Белграде, Шмуэль женился - его супругой стала поэтесса Ривка Басман (отец и младший брат которой тоже были убиты нацистами), в браке и творческом союзе с которой он прожил более сорока шести лет. В Эрец-Исраэль он выбрал себе новое имя - Мула Бен-Хаим, в честь своего погибшего отца... Вновь оказавшись беженцем, он буквально с нуля начинал новую жизнь в новой стране.

С первых дней в Эрец-Исраэль Мула и Ривка жили в кибуце А-маапиль в окрестностях Нетани, который был основан в 1945 году. Само название кибуца характеризует его тогдашнее население, которое составляли именно они, маапилим, "нелегальные" иммигранты, прорывавшиеся в страну, несмотря на препоны и запреты

ШМУЭЛЬ БЕН-ХАИМ - БЕЖЕНЕЦ, ВОЗГЛАВИВШИЙ СОЮЗ ХУДОЖНИКОВ

Шмуэль (Мула) Бен-Хаим

ты британских властей. Мула и Ривка были там не единственными людьми творческих профессий: одной из основательниц этого кибуца была автор концертов для виолончели и кларнета с оркестром композитор Хая Арбель (урожденная Герда Шлосс, 1921-2007); на протяжении почти полувека там же жил профессор философии Зеэв Леви (1921-2010), видный специалист по наследию Баруха Бенедикта Спинозы и Франца Розенцвейга. При этом в кибуце всем приходилось, особенно на начальном этапе, заниматься самыми разными работами; Мула Бен-Хаим одно время был плотником. На долю этого человека, всю жизнь тянувшегося к живописи и музыке, выпало и участие в боях Войны за Независимость.

После окончания этой войны он учился живописи в Институте искусства и дизайна им. Авни в Тель-Авиве, где его учителями были признанные ныне классиками израильской живописи Моше Мокади (1902-1975) и Марсель Янко (1895-1984), относившийся к Бен-Хаиму с особенной теплотой и написавший предисловие к каталогу одной из его выставок. В 1954-1955 гг. он совершенствовал свое мастерство в Académie de la Grande

Chaumière в Париже, где, в частности, изучал византийскую мозаику под руководством одного из самых крупных художников XX столетия Джино Северини (1883-1966). Первая выставка Шмуэля (Мулы) Бен-Хаима прошла в Галерее "Чемеринский" в Тель-Авиве в 1961 году, а сразу вслед за ней - в The Explorer Art Gallery в Нью-Йорке.

Шмуэль (Мула) Бен-Хаим с юношеских лет был активистом левых сионистских организаций; в Израиле он состоял в партии МАПАМ, был лично хорошо знаком с ее многолетними лидерами Меиром Яари (1897-1987) и Яаковом Хазаном (1899-1992). Эти связи в политических кругах способствовали его назначению на пост атташе по культуре посольства Израиля в Москве, который он занимал в 1962-1965 годах. Ривка Басман работала в это время учительницей в школе для детей сотрудников израильской дипломатической миссии.

Будучи в Москве, Бен-Хаим стремился к установлению связей с видными деятелями российской культуры того времени; одним из тех, с кем он встречался, был легендарный ныне Мстислав Ростропович (1927-2007). Побывав

"Портрет Мстислава Ростроповича"

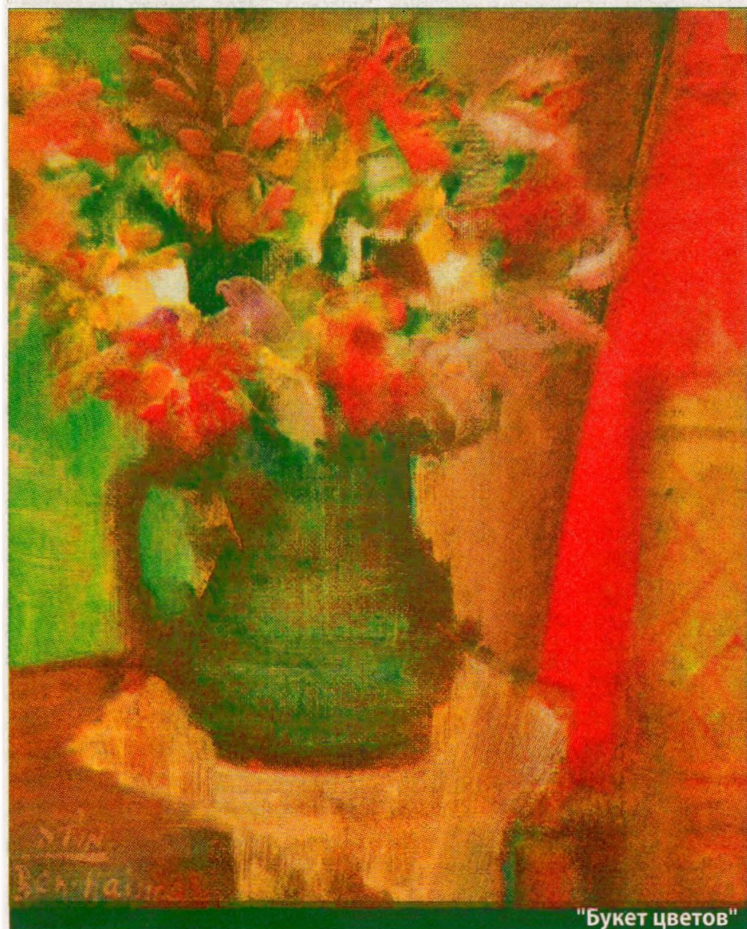
"Пианистка"

на его концерте, Бен-Хаим был так впечатлен, что призвание художника вытеснило его ипостась дипломата. На созданном им тогда портрете великий виолончелист представлен в самый момент игры: он страстно охватил виолончель, держась за гриф и трепетно перебирая струны. Творец красок, жи-

вущий вдохновением, тонко почувствовал и передал момент озарения, который переживает творец музыки. Он наклонил голову, вслушиваясь в каждый звук, порожденный его воображением, сообщенный инструменту и теперь вновь вернувшийся к нему, отозвавшись в звонком и певучем те-

"Играя вместе. Музыкальный диалог", 1991 г.

"Букет цветов"

ле виолончели, которое переливается страстными красно-коричневыми и оранжево-зеленоватыми искрами. Кажется, будто бы сами звуки, переходящие через руки гения и оживающие внутри нее, обретают зримую окраску и наполняют время как сам герой настолько сживается с ней, что их уже невозможно разлучить: позади, сбоку, сверху нет ничего больше - для мастера все перестало существовать: живо лишь его вдохновение и его музыка.

Музыкальная тема занимала очень большое место в творчестве художника. Картина "Пианистка" изображает молодую женщину в длинном белом платье, сидящую за черным роялем и задумчиво перебирающую клавиши. Она отвернулась от зрителя, погрузившись в свои размышления, о которых можно догадываться только по звукам, возникающим под ее руками. Ее лицо, выписанное холодной синевой, кажется отстраненным и закрытым. Но когда оно отражается в поднятой крышке роя-

ля, в нем оживает совершенно иной образ, который будто обнажает то, что она скрывает от окружающих взоров. Ее черты становятся теплее, свободнее, в ее огромных полузакрытых глазах таится непонятная грусть, а полуоткрытые губы вот-вот начнут невольно нашептывать что-то свое, сокровенное, что можно доверить только любимому инструменту, не боясь непонимания; ее чувства вырываются наружу, обретая новое звучание.

На полотне "Играя вместе" ("Музыкальный диалог") изображен виолончелист, вдохновенно погруженный в свою игру, а перед ним на жердочке сидит птичка, вторящая его музыке своими трелями, раскрыв крылья и высоко подняв голову. Она звонко распевает свои песни, глядя на музыканта, а тот, в наслаждении прикрыв глаза, мечтательно проводит смычком по тонким струнам. Вся картина решена в задумчивой, спокойной фиолетовой гамме, которая придает действию ощущение грез, в которой рождаются образы и мысли, которые герой отражает в своей музыке. И это ощущение дополняет изображение спящей луны в верхней части картины. В этом мире вдохновения есть только он, его инструмент и верная птица, творящая музыку вместе с ним - и, всматриваясь в лиловую дымку, зритель вместе с виолончелистом погружается в ласковую негу, вот-вот готовясь услышать звуки певучей виолончели, которые будут отзываться в нежных птичьих трелях, и наполнить ими свою душу, забыв о беге времени и суете.

Вернувшись из Москвы, Бен-Хаим закончил свою дипломатическую карьеру. Позднее с бывшими коллегами он уже общался исключительно как художник, выполнив мозаичное настенное панно для помещения, занимаемого израильской дипломатической миссией в Нью-Йорке.

На протяжении ряда лет Шмуэль (Мула) Бен-Хаим был секретарем Ассоциации художников - членов кибуцев, входил в правление Союза художников и скульпторов Израиля, который в 1966-1968 гг. возглавлял. На этом посту он работал преимущественно над организацией групповых выставок членов Союза. Показательна его глубокая личная порядочность: имея столь значительный административный ресурс, он ни разу не использовал его для организации под эгидой Союза художников собственной персональной выставки, хотя в предшествующие его избранию на этот пост годы их в разных галереях прошло четыре, а одна из его работ была приобретена Тель-Авивским художественным музеем.

Ривка Басман с альбомом Шмуэля (Мулы) Бен-Хаима, июнь 2017 г.
Фото А.Д.Эпштейна

16 декабря 1971 года в музее города Герцлия открылась ретроспективная выставка художника; с вступительным словом на ней выступил тогдашний председатель Комиссии Кнессета по внутренним делам уроженец города Станислав (ныне - Ивано-Франковск) Мордехай Суркис (1908-1995), хорошо знавший Шмуэля Косыцянского еще с послевоенных лет, когда оба они были активистами движения "нелегальной" алии. Выставка эта проработала месяца, до середины января 1972 года.

Однако художнику нужен диалог со зрителем не раз в несколько лет, и в 1972 году начался новый период в творчестве Бен-Хаима: с этого времени он ежегодно проводил примерно полгода, с апреля по октябрь, в квартале художников в Цфате, где у него была своя студия, постоянно открытая для посетителей. На зимние же месяцы он возвращался в Герцлию, где они с Ривкой приобрели небольшой домик, в котором прежде располагалась столярная мастерская. Так прошли двадцать лет, на протяжении которых Ривка Басман выпустила четыре книги стихов на языке идиш, в оформлении которых ее муж, бывший ее первым слушателем, принимал деятельное участие.

В этот наиболее спокойный период, среди других, было создано и лиричное полотно "Букет цветов". В матово-прозрачных, сумеречных, неброских тонах выписан живописный натюрморт: на небольшом столике, на белой кружевной салфетке, в массивном коричнево-зеленом кувшине стоит красочный букет розовых люпинов, красных георгинов, оживлен-

ный сияющими пятнами белых астр - сочный, огненно-живой блеск цветов отзывается в ярко-алом цвете занавески. Картина наполнена теплыми, мягкими тонами бежево-серого, охристо-зеленого и желтого цветов, и эта размеренная палитра оживляется всплесками белого и всполохами красного в букете и на ткани занавески. На картине почти нет жестких форм, все линии едва ощутимы, и очертания всех предметов передаются художником через мягкие, почти незаметные для зрителя переходы между тонами, между светом и тенью - от светлой салфетки к темному, тяжелому кувшину, от монотонной стены к многоцветному букету, поблескивающему белыми и красными искрами...

Шмуэль Бен-Хаим скончался 7 октября 1993 года, но память о нем и его искусстве продолжает жить. В 1997 году был издан представительный альбом, посвященный его творчеству, вводную статью для которого написал известный израильский художественный критик Давид Гилади (1908-2009), дедушка главы партии "Еш атид" и недавнего министра финансов Израиля Яира Лапида (дочь Давида Гилади Шуламит была замужем за его отцом - известным публицистом и общественным деятелем Томи Лапидом). Главным же хранителем наследия Шмуэля Бен-Хаима и памяти о нем остается Ривка Басман, и поныне иллюстрирующая все свои книги только его работами. "Пока жива я, Мула жив во мне", - говорит она, и остается лишь пожелать этой поэтессе, отметившей 92-й день рождения, долгих лет творческой жизни.

ЖИЗНЬ И ГИБЕЛЬ ИДИШЛАНДИИ

О книге Давида Маркиша "От Черты до черты", Москва. 2017

Михаил КОПЕЛИОВИЧ

"Черта под Чертою.

Пропала оседлость:

Шальное богатство,

весёлая бедность.

Пропало. Откочевало туда,

Где призрачно счастье,

фантомна беда.

Селёdochка - слава и гордость

стола,

Селёdochка в Лету давно уплыла".

Борис Слуцкий

Я прочитал эту книгу, почти не отрываясь от чтения. Скажу сразу: книга прекрасна во всех отношениях. Во всех! И прежде всего впечатляет язык автора. "От Черты до черты" - книга документально-публицистическая, однако на многих ее страницах ощущается отпечаток художественной манеры, проявившейся в собственно прозаических (беллетристических) произведениях Давида Маркиша. Конечно, само собой разумеется, материал, положенный в основу книги, и его истолкование, даже при топорном языке*, выворачивали бы душу наизнанку. "А душа, уж это точно, ежели обожжена, / справедливей, милосерднее и праведней она" (Б.Окуджава, "Музыкант").

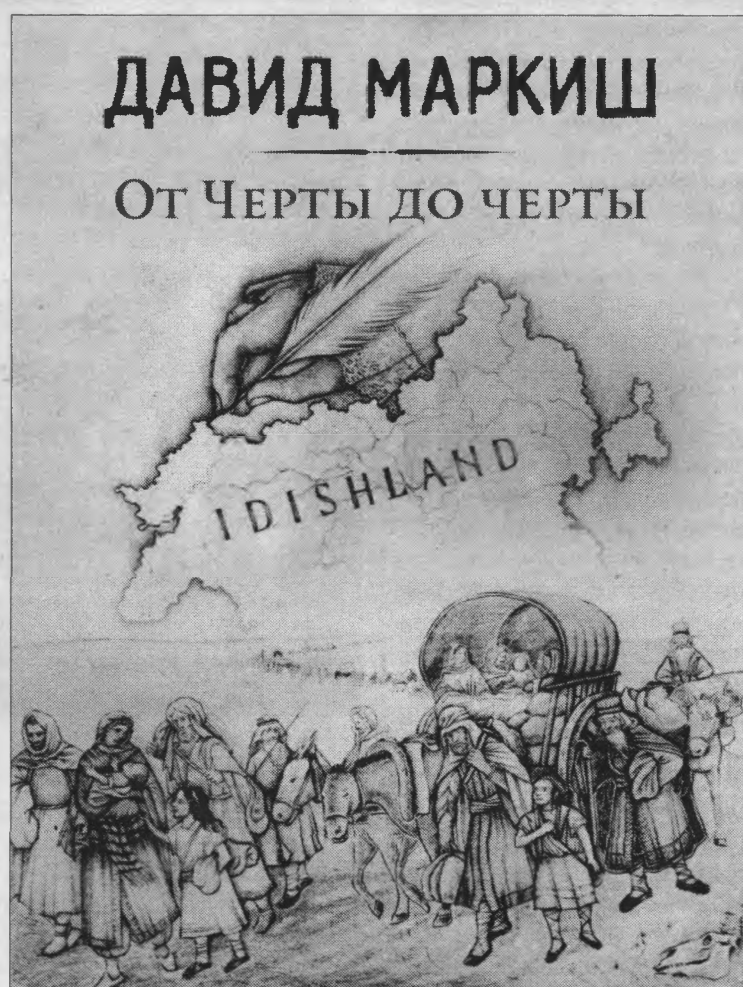
И все-таки начну с языка книги Д.Маркиша. Он (язык) внятен и красочен, образен и афористичен. Приведу несколько специфических примеров, хотя и в других ракурсах, как будет видно из соответствующих цитат, эти свойства авторского языка неизбежно проявятся.

"К началу Первой мировой изможденная, отошавшая Черта нахохлилась, втянув голову в плечи, - как воробей под дождем".

"Евреи являлись до поры до времени той человеческой глиной, которой замазывались дыры и зашпаковывались щели по ходу строительства сталинского государства".

"Джугашвили не планировал подарить евреям мягкое подбрюшье России (имеется в виду Крым с континентальной полосой, включающей Одессу и Херсон, вплоть до Сочи. - М.К.), а "Джойнт" был для него полезным американским выменем, из капиталистических сосисок которого капало зеленое долларовое молочко...".

"Законсервированный до поры до времени, положенный "под суко" в Москве "Крымский проект" был воскрешен Михозлсом в США как покойный Лазарь Иисусом Христом в библейской

Вифании". И на следующей странице: "Хозяин Кремля держал "Еврейскую автономию" на Амуре, как шулер держит туза в рукаве; карта появится на столе, когда придет срок. И срок придет".

Афоризм, прекрасно характеризующий политическую физиономию Сталина: "Британцы обладали вековым колониальным опытом, зато Джугашвили мастерски владел бандитской хваткой - и голая сила удава превозмогала проверенный опыт старого бульдога". И в заключение: осужденные на казнь члены Еврейского антифашистского комитета (ЕАК), "внешне принимая "власть советов", эту религию безбожников с их верховным кремлевским жрецом, оставались верны нравственным и культурным устоям своего почерпнутого в Черте еврейства (может быть, лучше здесь "еврейскости"? - М.К.), от которого и не думали отказываться и отрекаться в пользу фиктивной межэтнической модели под названием "советский народ". Время показало, что такого народа не было, нет и никогда не будет. Народы предпочитают собственные извилистые тропы столбовой дороге мультикультурного самоубийства".

В этом пункте мировоззренческой "программы" Д.Маркиша я хотел бы кое-что уточнить. Насчет народов все верно, но приходится

признать, что коммунистическая диктатура во главе с опытным погонщиком преуспела в создании межэтнической модели "советского человека", или "совка". Я настаиваю на этом по той простой причине, что и в себе нахожу отдельные неизжитые черты совка, хотя уже в ранней юности начал понимать, что такое на самом деле советская власть.

...Вереница цитат, приведенных мною для подкрепления тезиса о превосходном языке книги Д.Маркиша, оборачивается и другой стороной, важной для ее (книги) характеристики. Это, собственно говоря, конспект авторского нарратива, или этюды к тому панно, которое открывается перед читателями книги "От Черты до черты".

Теперь перейду к фиксации и обоснованию других ее достоинств. Не премину высказать и отдельные несогласия с автором книги и указать на ее, на мой взгляд, огрехи.

Первое: Д.Маркиш - обстоятельный, дотошный, вдумчивый и пристрастный (в хорошем смысле) жизнеописатель русской Идишландии. История Черты оседлости, в плане ничтожно малых возможностей для ее обитателей равноправно вписаться в "большую жизнь" титульных на-

ций (русских, украинцев и прочих) - и это не говоря уже о всяческих стеснениях, унижениях, а то и избиениях, - была, конечно, далеко не безмятежной; притом с самого появления Черты и... даже несколько раньше. Я, например, ничего не знал об автоматическом присоединении к России приличного количества евреев после захвата Смоленска царем Алексеем Михайловичем (1654); "в придачу к откушенной польской горбушке Тишайший получил, по разным сведениям, от десяти до пятнадцати тысяч евреев, с которыми "лицом к лицу" в таком количестве Россия не встречалась никогда прежде". Похоже, этого не знал и автор "Двухсот лет вместе", не то назвал бы свою книгу "Триста сорок лет вместе".

Д.Маркиш утверждает, что "история Черты оседлости не самая черная страница в истории еврейского народа. Следуя за хасидами, считавшими уныние грехом, я позволил себе описать Идишландию не совсем уж в черных тонах". Но уже в следующем абзаце, на той же странице: "Пришло время сказать, что все до единого обвиняемые на тайном расстрельном процессе по "делу Еврейского антифашистского комитета" в Москве, летом 1952 года, были выходцами из Черты оседлости". Тем самым история российской Идишландии, что называется, схлопывается - от века XVII до XX, и, как это ни горько, приходится признать, что то была воля рока (создаваемого, впрочем, самими двуногими обитателями планеты Земля).

На четырехстах с лишним страницах своей книги Д.Маркиш прослеживает эту историю, этап за этапом, не пропуская (насколько я могу судить) ни одного сколько-нибудь важного события, важного как для понимания трагедии российских - и советских - евреев, так и для восхищения беспрецедентной плодотворностью Черты. Жаль только, что плодами этого не насыщающегося, несмотря ни на какие социально-политические бури, дерева больше попользовались угнетатели и губители евреев, чем сами евреи. С другой стороны, понятно, что без Идишландии не было бы и Ивритландии, то есть Израиля, или он оказался бы, по крайней мере на первых порах, совсем иным.

Второе достоинство текста Д.Маркиша - его открытость для дискуссии и полемики. Вот я вступаю в нее, полагая спорными рассу-

ждения автора о словосочетании "русские евреи". Д.Маркиш, в свою очередь, оспаривает мнение известного поэта-эмигранта Довида Кнута об особенном еврейско-русском воздухе и, главное, о том, что блажен когда-либо дышавший этим воздухом. По твердому убеждению автора рецензируемой книги, такого воздуха "нет и никогда не было". Я не могу с этим согласиться. Дело не в географии (Д.Маркиш иронически перечисляет города и веси России - Советского Союза, в коих еврейско-русский воздух трудно было бы обнаружить), а в менталитете. Я бы посоветовал Д.Маркишу обратиться к поэтическому творчеству Ильи Рубина, жившего до репатриации в Израиль (1976) не в Кандалях, а в Москве и бывшего там одним из лидеров отказников. В его ранней (1965) поэме "Россия" читаем: "Моя святая неудача, / Россия. Плачу и молчу. / <...> // Люблю тебя, люблю печально, / Как женщин любят горбуны". А спустя одиннадцать лет, уже в Израиле, И.Рубин напишет: "Над нами небо - голубым горбом, / За нами память - соляным столбом. / Объят предсмертным пламенем Содом, / Наш нелюбимый, наш родимый дом...".

Судьба и творчество И.Рубина, как мне кажется, служат наилучшим опровержением следующей сентенции Д.Маркиша: "Стало быть, русский еврей - ассимилированный в русской среде, а то и крещеный потомок Авраама, в силу ряда причин пренебрегший своим национальным и историческим прошлым, из которого, как правило, формируется духовная составляющая". Уж кто-кто, а И.Рубин, оставивший нам в наследство несколько статей, близких к гениальности, на темы ТАНАХа, вряд ли может быть уличен в отсутствии духовной составляющей еврейского происхождения.

Еще одно место в книге вызывает у меня полемический настрой. Говоря в "Эпilogue" о реальных возможностях в условиях России и Советского Союза правильно подготовить, организовать и провести депортацию больших масс людей, автор категорически заявляет: "Ни в какой другой стране мира это просто непредставимо!". Странно! А нацистская практика, как раз особенно успешно осуществлявшаяся в отношении евреев? А перемещение этнических японцев - граждан США после Пирл-Харбора в специальные (по существу концентрационные)

лагеря, где их (японцев), конечно, не морили голодом и не нагружали непосильной физической работой, но все-таки?..

Третья привлекательная особенность дискурса Д.Маркиша - острый нюх на всякие "исторические" придумки, помноженный на безоговорочную нетерпимость ко лжи.

В одном из своих поздних стихотворений Борис Слуцкий назвал запах лжи почти неуследимым. Он имел в виду, конечно, печальный опыт XX века, когда диктаторы в Германии и Советском Союзе превратили ложь в науку. Но и раньше цари и царедворцы не брезговали этим пока еще всего лишь искусством. Д.Маркиш приводит фрагменты докладной записки Г.Р.Державина "Положение об устройстве евреев 1804 года"; там среди прочего содержится стереотипное - и лживое - обвинение шинкарей-евреев в спаивании русских крестьян. Комментарий автора книги уместно саркастичен: "А то без евреев русские крестьяне просто в рот не брали спиртного и по сей день не берут...". Ну, это еще цветочки.

А вот в Первую мировую войну созрели и ягодки. Прежде чем переселить из Западного края в центральную Россию полмиллиона евреев (1915), их обвинили в поголовном шпионаже в пользу Германии - на том единственном "основании", что язык идиш, на котором говорили обитатели Черты, близок немецкому. Д.Маркиш воспринимает этот исторический эпизод как зловещее предзнаменование будущего (достаточно близкого) натаскивания на ни в чем таком не повинных евреев проверенным веками способом, настоящим на лжи, не подлежащей опровержению. Читаем: "'Пятая колонна!' 'Национал-предатели!' Как все это нам знакомо по Второй мировой войне, в СССР, когда были изгнаны из своих домов и переселены в тайгу и пустыни целые народы, а мифическую 'пятую колонну' сноровисто рассовали по тюрьмам и лагерям". Речь идет покамест не об евреях, до них очередь дойдет в свое, тоже не столь уж далекое время. Между прочим, многие "граждане" - и подсоветские, и постсоветские - легко повелись на державное вранье и по сию пору продолжают считать соответствующие акции властей адекватными поведению "народов-предателей". Как верят и в то, что в 1941-1945 годах евреи "воевали" в Ташкентах.

Очень интересны рассуждения Д.Маркиша о "случайных совпадениях, влекущих за собою шлейф непредвиденных последствий". Эти совпадения представля-

ются ему не просто как "столкновение двух закономерностей". "В условиях максимально безнравственного и лживого большевистского режима одновременность двух организованных им событий - официального признания и утверждения на Первом съезде писателей еврейской национальной литературы на языке идиш и утверждения автономной Еврейской национальной области в Биробиджане (1934. - М.К.) - не кажется мне случайностью". Я никогда прежде не сопоставлял эти два феномена, но предположение Д.Маркиша кажется мне вполне убедительным. Во временной перспективе все, как всегда, оказалось ложью: впоследствии (на рубеже 1949-1950 годов) был запрещен идиш и уничтожены его законные носители - сливки идишландской культуры; а Еврейская автономия превратилась в фантом, поскольку евреи в большинстве своем на сей раз не купились на лживые посулы погрязшей во лжи власти; а кто купился, быстро поняли, что это очередное сталинское фуфло.

Понятное дело, многие страницы книги "От Черты до черты" посвящены "делу ЕАК", "делу врачей" и все еще спорной, потому что не состоялась, гипотетической депортации советских евреев в гиблые районы Крайнего Севера и Дальнего Востока. Д.Маркиш иронизирует над отсутствием документальных свидетельств, подтверждающих планирование и реальную подготовку этого способа "окончательного решения еврейского вопроса" в первом в мире социалистическом государстве. Все это до сих пор насаждаемое вранье служит интересам тех, кто упорно противится раскрытию наиболее одиозных секретов поднимаемого ныне на щит "великого" советского государства и его гениального вождя и мучителя.

Четвертое достоинство книги - неоднократные проявления интеллектуального мужества автора, его готовности идти до конца в своих разоблачениях погубителей Идишландии - от Державина до нынешних мечтателей, радеющих о том, чтобы разделаться с нею, что, в их понимании, означает: "очистить воздух" в России. При этом многие советские антисемиты признавались в том, что они ненавидят евреев, стремящихся уехать в Израиль (ну, как же - изменники Родины!) и одновременно презирают жидов, желающих оставаться в отторгающей их России.

Особенно насыщена такими свидетельствами глава 12-я книги (последняя перед "Эпилогом"). Следствие по "делу ЕАК", сообщает Д.Маркиш, было завершено к кон-

цу марта 1950 года. Уже был готов расстрельный список, состоящий из 85 подсудимых. "Этот список с порядкового номера 33 по 48 включал почти все те фамилии, которые нам известны по расстрельному приговору ВКВС (Военная коллегия Верховного суда СССР) от 11-18 июля 1952 года. (В нем фигурирует и Маркиш П.Д., отец автора. - М.К.) <...> Но Сталин в тот момент не дал свое "добро" на казнь..." Д.Маркиш констатирует, что эта отсрочка расправы по сей день остается загадкой, и делает попытку ее разгадать. Он отвергает версию, согласно которой верховный палач счел "еврейский заговор" не до конца раскрытым. По его мнению, "рябой Хозяин мог позволить себе арестовать столько евреев, сколько ему вздумается, и выбить из них признательные показания в чем угодно: в принадлежности к японской шпионской сети, в терроре через намерение, в переделке собора Василия Блаженного на Красной площади в хоральную синагогу. В чем надо, в том они и сознались бы на пыточном следствии...". Это абсолютно верно.

Верно и другое: что в 1948-1949 годах Сталин "еще сохранял относительную адекватность рассудка, и "еврейское дело" было для него не более чем звеном в политической цепи, тянущейся к одной из его наиболее фундаментальных целей: к окончательному решению еврейского вопроса".** А потом Сталин просто обезумел (в буквальном смысле): "еврейский вопрос" стал для него манией (как и у Гитлера на исходе войны). Разумеется!

Кончилось тем, что "Сталин проиграл евреям. Естественно или неестественно, объяснимо или необъяснимо - но проиграл". Необъяснимо?

На этом мысль автора не останавливается. Он стремится объяснить кажущееся необъяснимым. "Провал показательного "еврейского процесса" (а так и было задумано, что процесс будет показательным - вроде процессов конца 30-х годов. - М.К.) - срыв, подобный оплеухе, отвешенной горсткой арестованных евреев самой инстанции (курсив Д.Маркиша. - М.К.), - повлек за собой горькие (для системы. - М.К.) последствия". Главным из них автор книги считает чистку центрального аппарата МГБ, включая - ни более ни менее - посадку "из-за евреев" самого министра Абакумова.

"...Сталинская конструкция внепланово накренилась тоже из-за них. Что за люди! Сначала развалили плодоносную идею Биробиджана, теперь вот саботируют исполнение отведенных им на процессе ролей. От этой непе-

реносимой заносчивости и упрямства яд отравляет кровь, и гнев бросается в голову". В литературоведении этот прием называется несобственно прямой речью (в данном случае - Сталина).

Ну, это все еще не выходит за пределы драйва (одно из значений этого слова - "энергичное наступление"). А вот дальше... А дальше говорится о гораздо менее известном решении, принятом властью 13 марта 1952 года, начать следствие по делам всех лиц, имена которых упоминались в ходе допросов по делу ЕАК. Список будущих подсудимых включал 220 имен, причем все эти люди (евреи, натурально) - деятели не еврейской (идишской), а русской культуры. Иными словами, замышлялась "чистка" русской культуры "от чужеродного и тлетворного еврейского присутствия".

Не стану продолжать комментирование секретов, раскрытию которых посвящены многие страницы книги Д.Маркиша. Скажу лишь, что в большинстве случаев он делает это толково и аргументированно. Дотошность его изысканий порой конкурирует с мастерством сыскарей-профессионалов.

Несколько "проколов" (для столь большой книги совсем немного), обнаруженных мною в тексте Д.Маркиша. Например, преподносится высказывание одного из видных российских деятелей начала XX века, так и дышащее истребительным антисемитизмом - предтечей гитлеровской "Майн кампф". Вначале оно определенно приписывается "герою нынешних патриотов-государственников" Петру Столыпину. Но ведь известно, что Столыпин ратовал за предоставление евреям гражданских прав. За это, как я полагаю, Д.Богров и хотел (и сделал это) расправиться с главой российского правительства - реформатором, ибо полагал, что подобные "благодеяния", исходящие от власти, направлены лишь на духовное разоружение российского еврейства.

Прочитав соответствующие погромные строки, Д.Маркиш - в скобках! - замечает: "Некоторые исследователи полагают, что автором приведенного отрывка является брат Петра Столыпина - известный в то время публицист Александр Столыпин". И все. Мне кажется довольно безответственным со стороны автора, в других случаях скрупулезно щепетильного, вот так, походя, высказывать сомнение в подлинном авторстве человека, продекларировавшего такие зловещие утверждения, как, к примеру: "Наука должна поставить не еврейскую расу, но харак-

тер еврейства в такие условия, чтобы оно сгинуло".

Другой пример - из "Эпилога" книги. Мне представляется сомнительной ссылка на свидетельство Хрущева по такому важному вопросу, как обстановка депортации евреев, которую будто бы хотел обеспечить Сталин (по пути составов с депортируемыми евреями собирать крепких парней с палками, чтобы избивать "пассажиров", следующих в далекие края). Я сомневаюсь здесь не в позиции самого Сталина, как она выглядит в изложении его в прошлом верного опричника, а в правдоподобии реакции (разумеется, немой, мысленной) самого Хрущева, тоже на деле "должным образом" проявлявшего себя, когда решалась судьба советского еврейства. "Когда я послушал его (Сталина. - М.К.), что он говорит, думаю, чтоО такое, как это можно?.. Это погром, собственно". Я не верю Хрущеву, выгораживающему себя, как он это делал еще на XX съезде КПСС (1956) по поводу участия в Большом терроре; в своих же воспоминаниях он "забыл" рассказать о преследованиях украинских евреев в бытность его, Хрущева, Первым секретарем ЦК КП(б)У с декабря 1947-го по 1949-й год.

В целом же книга "От Черты до черты", на мой взгляд, блистательна, что я и хотел показать и по возможности аргументировать в этой рецензии (довольно щедро цитируя авторский текст).

В этой книге Д.Маркиш поместил и свои переводы большой поэмы Переца Маркиша "Сорокалетний" (1920-1926), а также нескольких его ранних (1917, 1919) и поздних (1947) стихотворений. Но об этих переводах разговор должен быть особый. Скажу лишь, что впервые с его переводами на русский язык отцовских стихотворений и поэм я познакомился еще в начале 1960-х. (Они были опубликованы в двухтомнике П.Маркиша, изданном в Москве Государственным издательством художественной литературы аж в 1960 году. Поэма "Сорокалетний" там отсутствовала.)

* *Топорным автор называет язык М.Полторанина, в первые годы правления Б.Ельцина возглавлявшего Госкомиссию по рассекретиванию архивов КГБ; на его свидетельства Д.Маркиш, тем не менее, не раз опирается.*

** *Ср. с ночными размышлениями одного из персонажей романа А.Солженицына "В круге первом" - еврея-эбиста Ройтмана: "И вот... бич гонителя израильтян незаметно, скрываясь за второстепенными лицами, принимал Иосиф Сталин".*

Борис СУСЛОВИЧ

Галочка

Как он оказался на улице, насквозь продуваемой ледяным ветром? Куда шел, лихорадочно вертя головой из стороны в сторону? Рядом никого не было, на улице находился всего один дом. Зашел внутрь, поднялся по лестнице. Звонок, второй, третий. Толкнув дверь, обнаружил, что она не заперта. Оказалось, это его квартира, в которой жили чужие люди. Но сейчас здесь было пусто, да и обстановка ничем не отличалась от давнишней, будто никто никуда не уезжал. Даже огромный буфет, памятник детства, со всеми бесчисленными ящичками, полками, дверцами стоял на прежнем месте.

В спальне почувствовал, что он не один. "Здравствуй. Спасибо, что заглянул, - в отцовском голосе не слышалось ни упрека, ни горечи. Только радость узнавания. - Мама? Только что была. Ей же многих надо повидать, не только меня. Иди, сынок, не задерживайся. Тебе здесь делать нечего..."

Голос действовал, как наркотик. Крунулся на каблучках, выскочил на лестничную клетку, сбежал вниз - и очутился внутри другого дома, совсем незнакомого. В списке жильцов значилась мамина фамилия. Входя в комнату, уже знал, что его ждут. "Кого ищешь? - говоривший казался таким молодым, что он на секунду даже усомнился, ту ли выбрал дверь. - Галю? Рива, слышишь? Голда уже не подходит. Шучу, малыш, шучу: Галю так Галю. Она же на врача учится, в Днепрпетровске. Ты оттуда? Как же вы не встретились?"

Он опять бежал, но сейчас кто-то находился рядом, показывая дорогу. Вокруг был уже не город, а деревня, местечко. Ноги сами несли вперед, к невзрачному домику, окруженному низким частокотом. Пересек порог одновременно со своим невидимым спутником - и замер. "Брайна, смотри, кого я привел, - дедушка уже обо всем догадался. - Только не удивляйся, ладно? Сын нашей Голды, прошу любить и жаловать. Кстати, он зовет ее Галочкой. Как тебе нравится?" Бабушка рассмеялась так весело, что стало обидно. "Ну ты и выдумщик. Маленькую только что покормила, она спит. Мутер".

Брайна и Аврум стояли рядом, он чувствовал на себе их взгляды. "А ты откуда, внучок?" - юная женщина явно не верила никаким байкам. "Из Израиля", - дедушка не давал ему даже рта раскрыть. "Из Палестины, что ли? - Брайна разом стала строгой, печальной. - И Голда там будет? Что ж, счастливого пути! Мне не довелось, так пусть хоть дочка доберется. Ты уж смотри - береги ее. Видишь, какая красоточка. Вылитый Аврумчик".

Он подошел к колыбельке - и взял... Нет, это не он, это Аврум взял малютку на руки. "Не волнуйся, Брайночка. У нее была хорошая жизнь. А ты уходи, мальчик. Дорогу найдешь? Вот и славно".

Он стоял на том же месте, с которого начались поиски, только ветер стал немного тише. Еле передвигая ноги, пошел прочь. К самому себе. Домой.

Маменькин сынок

Я вырос маминим сыном. Ничего оригинального в этом нет. Одно из первых воспоминаний, едва ли осознанных: мама купает

ПРАЗДНИК

меня, трехлетнего, и окунает с головой. Я плачу, кричу: "Моя мама хотела меня утешить!" В ответ - смех, поцелуи. Через тридцать лет тот же трюк проделан мной, но годовалая дочка ограничилась обиженной гримаской. А после "просчитывала" меня - и в нужный момент задерживала дыхание.

Девятый класс, русская литература, су-перважное сочинение. Вечером столько раз перечитываю свой опус, что забываю его дома. Пропажа обнаруживается перед самым началом урока. Готов кусать локти: двойка неминуема, да и оценка за четверть будет снижена. Вдруг дверь открывается, в класс влетает мама. Молча кладет злополучную тетрадку на парту и, улынувшись, исчезает. Не успеваю сказать ни слова, только мой рот изумленно раскрыт: она же из-за меня опоздала на работу! В ту же секунду, будто по команде, дребезжит звонок.

Мне тридцать, я только женился, отношения с женой не складываются. Мама уезжает, чтобы мы, оставшись вдвоем, попытались друг друга понять. Но молодая жена ни в какую не хочет приходить в квартиру, где, кроме нас, никого нет. После моих увещаний выдавливает из себя, что ей неприятно там бывать даже в мамино отсутствие. Теперь развод неминуем, при всей моей тогдашней влюбленности. Как и вторая, настоящая женитьба.

Мне пятьдесят, маму везут на операцию, третью за полтора года. Лепечу какие-то успокаивающие слова, в которые сам не верю. И тут, буквально на пороге операционной, хирург с улыбкой произносит: "Спроси у мамы, какие у нее планы на следующие десять лет жизни?" Переводя, не могу сдержать удивления. Мама не верит своим ушам, но ее настроение меняется. Фантастика: врач был прав!

Позапрошлый год, мне почти шестьдесят, одна из привычных израильских заварушек. Из Газы каждый день летят ракеты, некоторые долетают к нам. А у нас ежевечерняя прогулка. Когда раздается вой сирены, переходим через дорогу и останавливаемся между двумя магазинчиками: какая-никакая, а защита. Мама дышит ровно, спокойно. Тревога заканчивается, я спрашиваю: "Продолжим?" - и получаю утвердительный ответ.

В подъезде, поднимаясь по лестнице, слышим вторую сирену. "Совсем не страш-

но?" - не удерживаюсь я. Мама смеется. Госпиталь, где она служила, был в 25 километрах от передовой. Что для нее арабские болванки после фашистских бомб?

Апрель нынешнего года, мама почти три месяца в больнице, об улучшении нечего и мечтать. Напоминаю, что сегодня день рождения жены. Мама берет телефон и поздравляет невестку так уверенно, радостно, что во мне невольно вспыхивает гордость. Надежда на чудо, наше еврейское чудо вновь оживает. Прощальная, умирающая последняя.

Прогулка

Декабрьское утро было тихое, светлое, радостное. Хотелось думать только о хорошем. Позавчера маму выписали из больницы - и он хотел возобновить ежедневные прогулки. Когда выходили из подъезда, спросил: "Пройдем наш круг?" - и увидел по выражению глаз, что мама не против. Они потихоньку удалялись от дома. С каждым шагом его настроение повышалось. Может быть, врачи в больнице делали из мухи слона? Ведь мама спокойно идет рядом, как месяц или год назад. Они дошли до первой лавочки, посидели несколько минут. Пошли дальше, отдохнули вновь. Когда поднялись и продолжили, выпалил: "Умница моя!" На душе было так легко, что хотелось петь.

Они уже вернулись на свою улицу, до дома оставались какие-то метры. "Я не могу идти", - мама дышала совсем не так, как минуту назад: тяжело, прерывисто. "Мы же почти дома! - он не верил своим глазам. - Что с тобой?" - "Не знаю. Воздуха нет". Он чувствовал, как что-то громоздкое, неподъемное становится между ними - и пытался воспротивиться, не поддаваться. "Обопрись на меня. Вот так. Теперь пойдем". Они еле двигались, каждый шаг давался мучительно. "Ну как, легче?" - он проклинал себя за легкомыслие. Мама молчала. Кое-как доползли до лифта, поднялись в квартиру. "Что случилось?" - спросила жена. - Вас почти два часа не было. Ты что, пошел на круг?" - "Потом, - обескураженно отвечал он, - видишь, маме нехорошо". - "Ты врачом заделался? - не унималась жена. - Нам же ясно объяснили: никаких кругов". - "Хватит, самому тошно, - он старался не смотреть жене в глаза, - помоги лучше".

Мама лежала в кровати - и дышала легче: "Не знаю, что со мной было. Проходит вроде". - "Отдыхай, мамочка", - он был готов сгореть со стыда: мама извинялась перед ним за то, что случилось. "Хорошо, - она попробовала улыбнуться, - вот уж погуляли так погуляли". - "Да, - мамина несмелая улыбка растолкала его застывшие мысли, - погуляли. Врагам бы такие прогулки".

Парк

Парк, обыкновенный, ничем не примечательный, один из десятков в приморском городе, был в двухстах метрах от твоей больницы. Я поздно узнал о нем - и в тот июньский вечер мы были здесь лишь третий раз.

Парк был полон детей, они игрались, гомонили, веселились. А несколько грудничков внимательно, солидно наблюдали за происходящим из своих колясок. Мне казалось, что ты дышишь чуть свободней, чем обычно, и мы сможем погулять несколько лишних минут. А ты... Неужели ты знала, что это последняя прогулка? Ты была довольна, улыбалась моей любимой улыбкой, позволяющей забыть и о старости, и о болезни, и о страшной близости расставания. Мы были вместе - и я наивно, близоруко, слепо верил, что мы неразделимы. Как раньше. Как всегда. С момента моего рождения.

Мы доехали до конца парка, повернули назад. Перед выездом пробормотал: "Было хорошо, правда? - и ты согласно кивнула. - Придем еще?" - "Конечно".

Я шел домой в прекрасном настроении, будто жизнь улыбнулась мне. Болван: ухмылялась совсем другая женщина.

Правнук

Я хотел этого больше всего на свете: чтобы ты увидела его. День, когда узнал о нем, обжег, пронзил ярким светом. Почти вприпрыжку бежал в больницу. Как ненормальный, стучал по каждому дереву, вновь и вновь проговаривая про себя новость, услышанную от дочери.

Ты не сразу поняла, о чем речь. "У тебя будет правнук, первый правнук!" - минуту назад верилось, что эти слова перевернут мир. Какое там... Мой мир перевернулся, а в твоём мало что изменилось. Как же так? - недоумевал я. - Через несколько месяцев он появится здесь, рядом с нами. Сын любимой внучки, которую ты когда-то каждый день водила на море - и мы встречали вас в конце пути, большую и маленькую. Да, прошло четверть века, но этот малыш вдохнёт в тебя жизнь, новую жизнь... Разве может быть иначе? Слова рвались наружу, но, глядя на тебя, я не давал им выхода. "Мамочка, разве ты не рада?" - "Почему? Рада".

Радоваться не было сил. Ты не хотела меня разочаровывать, но не могла и обманывать. И, чтобы не отвечать, закрыла глаза.

Я подумал, что ты устала, и больше не возвращался к разговору. Даже успокоился: до августа, когда малыши родятся, куча времени. Нужно надеяться на лучшее.

Так-то так, но августу всегда предшествует июнь*. Где я это все читал? Точно: "Проклятые короли", развлекательный роман про четырнадцатый век. Жизнь и смерть, идущие рука об руку, а иногда - случайно, ми-

моходом - меняющиеся местами. Интересно: наше время хоть чем-то отличается? Вряд ли.

Праздник

"Мать - короткий праздник на земле", - сказал Фаиль Искандер. Благодарю небеса, что твой праздник длился до седых волос - и лишь сейчас, на седьмом десятке, ты постигаешь науку сиротства.

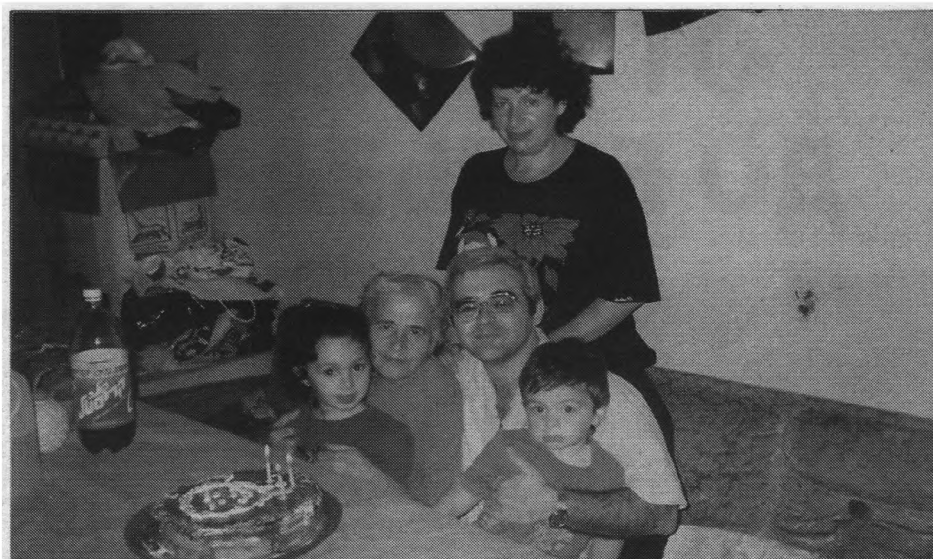
Праздник кончился. Начались будни.

Данте Алигьери

Ад, обыкновенный земной ад, накрыл ранним летним утром, когда сидел у дверей больничной палаты. Веселые, довольные собой чертенята поджаривали меня на сковороде бессилия, никчемности, трусости. Как последний тупица, я не отдавал себе отчет, что происходит, и вместо того, чтобыстонать, выть от боли, тихонько сидел на стуле, пока рядом, за дверью кто-то деловито завершал свою работу. Меня - болвана в старинном польском преферансе - позвали потом, когда все закончилось, а маму забрали туда, куда никому из нас, обитателей земной ночлежки, нет доступа.

Нет - или все же есть? Как Вергилий, ты вела меня за собой, я видел рядом родное лицо - и ни за что не желал, не мог поверить, что это бред. Крепко обнял тебя - и ощутил холод, который пронял до косточек, вобрал в себя, потянул за собой. Нас несло в огромную, черную, булькающую воронку, и когда у самого края, зацепившись за случайный проблеск сознания, я разжал руки, меня, как пробку, вышибло наружу.

Я опять сидел в больничном коридоре, а

за дверью слышался всхлип, крик, вопль, вмещающий все вокруг. Кричал младенец, пришедший в наш мир. Кричал я, его дед. Кричала мама, так и не ставшая прабабушкой. Кричала жизнь. Кричала ее близняшка - смерть.

Жемчужина

Пнина - жемчужина на иврите. Так назвал тещу отец, раввин. Янкель Довман был одним из служителей культа, расстрелянных в 1938. В память о нем теща никогда не меняла документы, хотя в быту, конечно, звалась Полиной.

Она была застрельщицей отъезда, энергично подталкивала нас с женой. Иногда мысленно я даже ставил ее в пример маме, которая, на пару со мной, относилась к будущей репатриации без малейшего энтузиазма. Примерно, как к операции по удалению

больного зуба.

После переезда ситуация изменилась буквально за несколько дней. Мы еще ничегошеньки не успели понять, а теща уже вынесла приговор: "Это не наша страна". Напрасно мы пытались ее разубедить, доказать, что первое впечатление может быть обманчивым: она оказалась советской патриоткой, из тех, кому разлука с родиной противопоказана. Несмотря на отца. Несмотря ни на что.

Жизнь покатила под откос. Теща рвалась назад, будто забыла там что-то или кого-то. Наверное, саму себя, добрую, мудрую, сильную.

Все закончилось через полтора года на кладбище в самом центре страны, которую она так и не приняла. Переезд убил ее. Болезнь послужила лишь внешним, пристойным оформлением.

Мама прожила еще четверть века. Для нее на первом месте всегда стояла семья.

Остальное было вторичным, даже страна проживания. Родина.

Сейчас они лежат рядом: Галина и Полина, Голда и Пнина. Дочь мелаameda - и дочь раввина.

Двуликий Янус

Это стало непереносимым. Каждый шаг, каждый миг был отравлен мыслями, бегущими по замкнутому кругу. Всюду виделась мама. Она жила здесь, дышала, думала, любила, помнила. Старела, слабела, забывала, теряла саму себя.

Квартира, лестница, дом, улица - все враз стало бессмысленным, нелепым, ненужным. Человеческий стержень, на который столько лет нанизывались разные детали существования, истончился, сломался. Жизнь распалась на мелкие кусочки воспоминаний, стала сплошным прошлым, мертвящим настоящим. Неподъемным монолитом. Могильной плитой.

"Стоп, - прошептал он себе. - Мама живет по-прежнему. В твоей груди стучит мамино сердце, твое дыхание наполняет мамини легкие, твоя любовь греет мамину душу. Только так вы сможете проститься. Только так".

Замкнутый круг раскрылся, распахнулся. Счастье, настоящее на горе, окатило густым, тяжелым, мутным запахом. От каждого вдоха зависела жизнь.

**В романе М.Дрюона гадалка, говоря о будущем наследнике, который должен родиться в августе, видит, что ее собеседник - король - умрет в июне, причем будет отравлен пищей (леденцами).*

ПОЗАВЧЕРА У МЕНЯ УМЕР ДЕДУШКА

Евгений НИКИТИН,
Москва

Когда мама с папой развелись, меня отправили в поселок Рышканы к дедушке с бабушкой, и я рос там до шестнадцати лет. Не могу сказать, что дед заменил мне отца. Но я жил рядом с ним очень долго. Звали его Лазарь Львович (Лейзер Лейбович).

Человек он был довольно сердитый, но как-то простодушно сердитый. Легко остывал, улыбался. У нас было мало общего: я бредил мушкетерами, шахматами, кунгфуйстами и соседскими девочками. А дедушка в детстве жил в гетто.

Был такой румынский маршал Антонеску. В начале сороковых он установил режим личной власти. Он считал себя другом нацистов и построил во время войны десятки концлагерей и гетто для евреев. В одном из них оказался и мой дед.

Дедушка про это рассказывать не любил, и я почти ничего не знаю, кроме того, что всех жителей местечка согнали и куда-то повели, убивая отстававших. Так это началось. А кончилось тем, что в гетто умерла почти вся дедушкина семья.

Наша семья. Дед - слева.

Дед говорил на идиш, умел читать на иврите и играл на скрипке - все, как полагается. Однако о его жизни известно очень мало, а в том, что знаю, я могу делать ошибки. После войны мы обнаруживаем дедушку кишиневским студентом, посещавшим квартирники, куда приходили слушать патефон. Такое было культурное развлечение еврейской молодежи. Там дед познакомился с моей бабушкой.

Он стал в Рышканах главным агрономом. Его знали во всех окрестных селах. Он ездил на мотоцикле, очень громко и гордо. Все окрестные поля считались "дедушкины". К сожалению, дед привык к власти и

подчинению и до конца жизни сохранил привычку на всех орать. Орал дедушка, как правило, не со зла, а по привычке. Он был все время чем-то возмущен. Но бабушка держала его в ежовых рукавицах и быстро усмирляла.

Когда папа стал встречаться с моей матерью, дед провел с отцом беседу.

- Ты меня понимаешь, парень, - сказал дед (он всех так называл). - Интимная жизнь, парень, должна быть после свадьбы! Проследи за этим. Ты меня понял?

Папа сделал вид, что понял. Слушаться, он, ясное дело, не собирался. Но не тут-то было. При всех

досадебных попытках интима перед папиным мысленным взором вставал мой дедушка.

- Парень! - говорил он. - Парень...

У папы ничего не получалось. И поэтому все действительно произошло после свадьбы, как полагается. И это был их первый раз.

В какой-то плохой год случился неурожай, и дедушку исключили из партии: он был агроном и еврей. Бабушка рассказывала, что это стало тяжелым ударом для семьи, но подробностей я не знаю, и, честно говоря, смутно понимаю. Нас разделяет пропасть.

Бабушка с дедушкой говорили со мной по-русски, а между собой - на идиш, поэтому я никогда не знал ничего, что не положено, - никаких взрослых тайн. Идишу меня не учили. Я знал только "алтер коп", "мишигинер коп" и "киш мир ин ту-хес".

На пенсии дедушка стал председателем нашего жилищного кооператива и завел секретаршу Голду Моисеевну. В новом качестве он тоже мог всех строить, особенно бедную Голду. Голда была очень старенькая и скоро умерла, завещав бабушке печатную машинку, на которой я напечатал свой первый рассказ.

Рассказ описывал, как начинается утро в Рышканах: просыпается дедушка, идет прочистить нос. Раздаются трубные звуки, наподобие боевого клича слона. Это будит всех остальных. Рассказ был очень смешной.

Когда мама решила разводиться с отцом, дедушка призвал папу и сказал:

- Парень! Ты не расстраивайся! Все обойдется. Все как-нибудь обойдется!

Но он ошибался.

Всю жизнь дедушка пытался научить меня молдавскому языку. Но у него не было педагогических способностей. Однажды я записал на кассету, как он учит меня молдавскому. Жаль, запись не сохранилась. Это было так несурезно, что потом мы по праздникам слушали эту запись и смеялись до колик.

- Парень! - кричал дед. - Ты балда! Балда!

Зато подражая ему, я научился художественно свистеть.

Под конец жизни дедушка с бабушкой уехали в Израиль. Там он и умер, после тяжелой болезни, потеряв ноги и очень, очень долгих мучений.

Здесь я удалил рассуждения о жизни, Боге и всем таком.

Шуламид ШАЛИТ

Мой сосед Эли

Подкрадывается потихоньку, а застает врасплох.

Это он о старости. И ты уже представляешь себе, что сейчас начнется занудство одинокого и несколько одиозного после давнего развода человека. Один в четырех комнатах. В салоне бильярдный стол, но гостей не бывает. Нет, он не собирается брзжать. Вот его монолог.

"Если догадаешься не смотреть целый час в одну точку, а тряхнешь остатками шевелюры, пойдешь на кухню и, как для приятного гостя, приготовишь себе большую чашку кофе, то я могу и запеть. На кухне и пою. Немного, но каждый день. Тоска, между прочим, посещает даже маленьких детей. Потом они часто вырастают злыми людьми. Вот что мне не нравится в знакомых женщинах, так это накопление и выплескивание злости и грубости (как будто это приятно в мужчинах, думаю я, но молчу, чтобы не затягивать "беседы"). Тридцать лет ходишь к одному зеленщику. Нет, не к нашему Баруху, за овощами ходить надо на рынок. В отличие от других, мой продает и консервированные овощи. Спрашиваю, получил ли он огурчики в уксусе за восемь шекелей, сначала они были, потом кончились, но вдруг? Не помнит. Поставил стремянку, залез наверх, а тут звонит его мобильник. Он - вниз, к прилавку, я залезаю на лестенку сам, среди пяти сортов нахожу "свои", беру две банки, спускаюсь. Зло говорит:

- Так это же огурцы!

- Ну да!

- Но ты же спросил про маслины.

Какие маслины за восемь шекелей?!

А почему у него в голосе злость? Я ли ошибся, он ли не знал, что у него есть, - какая разница, можно посмеяться: инцидент исчерпан. А этот злится, как ребенок, у которого грубо отняли игрушку. Глупо!"

Тут я согласна, у самой есть примеры...

В маколете у Йоси

Перед самым Новым годом, еврейским, я имею ввиду Рош а-Шана, какая-то женщина на плохом иврите спрашивает продавца Йоси, он же хозяин маколета (продуктовый магазин), сколько стоит выбранная ею бутылка вина. Потом долго-долго роется в сумочке, наконец, достает бумажник и медленно считает деньги. Говорит с сожалением:

- Ло маспик (не хватает)...

Надо спросить, сколько же ей не хватает. Я только подумала, а стоящая ближе к ней и к прилавку ашкеназского типа дама в шляпке (европейского, скажем так, типа) говорит:

- Бери, я доплачу. - И продавцу: - Дай ей пакет, Йоси!

Йоси протягивает пакет:

ОТ СЕЗАМА
ДО БАЛЬЗАМА

- Это хорошее вино, гверет Наташа (видно, не раз давал в долг, раз знает имя "госпожи" Наташи), бери! - И добавляет: - Матана (подарок) от меня!

Вот и "марокканца" проняло, что кто-то щедрее его самого.

- Правильно, Йоси, для каждого еврея Рош а-Шана - большой праздник, - произносит дама в шляпке.

- Спасибо, - говорит Наташа, кладет бутылку в пакет и выходит из маколета.

- Она русская, - доверительно объясняет Йоси всей очереди, - но раз "они" любят Израиль, пускай им будет на здоровье.

Винтик для дужки
очков

Неля впервые приезжала из Москвы лет десять назад, когда еще жив был ее и мой большой друг. Тогда он позвонил из Хайфы и попросил показать Неле Яффо. Так мы с ней и познакомились. Потом мы изредка перезванивались, она с кем-то прислала мне книги. И вот она снова приехала и остановилась уже у меня. Я повела ее в парк. Согласитесь, приятно, когда гостю все, ну, все у нас нравится. Ах, какие эвкалипты, ах, какие тенистые тропы и сколько людей занимается спортом, все бегут или идут быстрым шагом - и молодые, и старые, и даже религиозные... А этих солдат сфотографируй, пожалуйста. Снимаю ее, снимаю солдат. У них тут какие-то занятия по топографии. Многие в кипах, это ее особенно волнует. Двое отошли в сторонку, облачились в белые талиты, молятся. Надо же, сфотографируй их, пожалуйста! Пока мы прогуливаемся, иные пошли уже вторым кругом. Тут у Нели падают очки. Дужка отвалилась. Ищем винтик.

Останавливается молодая женщина:

- Ма кара? (Что случилось?) - И тоже начинает искать винтик.

С другой стороны появляется идущая быстрым спортивным шагом совсем юная девушка. И она останавливается:

- Вам помочь?

Все ищут винтик... Нет винтика.

Вместо него дома дужку привязали проволокой. Но я помню, как Неля стоит счастливая, улыбается: для нее весь Израиль вот такой - добрый и отзывчивый!

И она долго и много рассказывает кому-то по телефону, как удивительно, что весь Израиль ходит спортивным шагом, и каждый пытается искать винтик от твоих очков...

Птички всякие
нужны

Непривычно, а потому и странно - солнце исчезло!

Неуютно, тревожно.

В широко раскрытом окне - тишина, лишь деревья волнуются, как в преддверии опасности.

Поднимаю голову - небо белое. Ни облачка, просто белое небо. Птицы на его фоне были бы особенно живописны, но их нет. Из-за деревьев видны верхние этажи стоящего напротив девятиэтажного дома. Сквозь ветви с распутившимися большими розовыми цветами, пока их десять-двенадцать, но скоро станет много, потому что полно набухших почек, и висят они как виноградные грозди, - вижу, как одинокий голубок ходит взад-вперед по подоконнику шестого этажа. Именно голуби, эта назойливая, нахальная птица, никуда от нас не улетаю, а другие, получается, улетели? И где мои милые колибри (или это нектарница?), где воробышки, залетающие иногда в гостиную?

На днях один такой влетел в кухню. Я стояла возле шкафа лицом к окну. Внучка, стоя на стуле, мыла ручки в раковине и даже не успела поднять голову на мой крик: "Ципор, ципор!" (птичка)... А воробей долетел до верхних полок шкафа над моей головой и вылетел обратно. И я подошла к окну посмотреть, куда он полетел. Сидит на кондиционере и ухмыляется.

Перед окном у нас стоит большое, почти гигантское дерево, мой близкий и добрый друг, который всегда рядом, всегда оживлен, защищает от чужих глаз, от выхлопов, от шумов, от всего суетного мира, чему так рады и глаза и душа. Столько лет жила, не зная его названия. А Това из Рамат а-Шарона, которая каждой травинке в Израиле

знает имя, только по описанию - по телефону - сразу сказала: индийский сезам! (Зезам а-ходу!) Так вот, прошлым летом мой индийский сезам превратился вдруг в птичий базар, и эти "базарные" птицы слетались всегда в одно и то же время - часам к четырем, копошились, кричали, метались, хлопали крыльями, будто хотели извести само дерево. Откуда они взялись, куда в один прекрасный день канули? Улетели в Африку? Все улели? Но утром в парке я видела гордого удода. Красавец, отчего ему не ходить гоголем?! Так это он прогнал всех остальных? Потому и хорохорится? Прошел в метре от меня. Ни своих не боится, ни чужих.

Значит, осень все-таки наступила? Но как странно без птиц и как странно без солнца. Или все это минутная шутка того, кто там, наверху, выше нас?

Тарелка супа в
дождливый день

Спускалась в маколет, чтобы купить газету, там сегодня мой новый текст. Никого, кроме меня, в магазинчике не было...

Голову еще как-то можно зонтом прикрыть, а ноги от дождя не уберечь, потому что ни обувь у нас, ни дороги, ни тротуары к стихийным бедствиям вроде банального дождя, не приспособлены - лужи широкие, в колдобинах вода глубокая, и приходится прыгать, просто по Сэлинджеру, через лужи. Не всегда и перепрыгнешь...

На днях, тоже в дождь, поехала с едой к внукам, прихожу с тяжелой сумкой, а дочь дома!!! Я уже давала себе слово не вспыхивать - и молодец! На сей раз она меня... помнила, сразу после лекций звонила нам, но папа сказал, что мама уже выехала... Их, оказывается, отпустили с последних двух часов лекции.

Какая-то англичанка преподает в Женеве, но цикл лекций провела и в Израиле, и вот тут она вдруг объявила, что... хватит! Дочь комментировала: устала, наверно... А мне в маршрутку не позвонили ни муж, ни дочь, чтобы не портить мне настроения! Но если дети с мамой, то зачем мне тащиться через все пробки? Ну, молодец, конечно, что не звонили, когда я в дороге. Прихожу к ним, а там балаган, но я потихонечку что-то убираю, выбираю из большой сумки банки с едой, достаю кастрюльку, вынимаю сковородку... А доченька звонит и звонит по мобильнику, и я слышу, что все по работе, она весь день на занятиях в колледже, а там, как и у внуков в школе, запрещено включать телефоны. Я все делаю молча, тихонечко все-таки грызу себя, потому что муж плохо себя чувствовал весь день, а я его оставила. Но дочку совсем простила, когда она, сидя с детьми за столом, произнесла: как хорошо, когда есть мама, чувствуешь себя ребенком, которому дали тарелку горячего супа...

И еще я с собакой выходила, тоже в ливень, но возле дома, там она и присела на камешки... Ей дождь нипочем, а я, убирая за ней, мигом вся промокла.

Старая видео пленка

Шли кадры со словами какой-то песни, фронтовой, и я открутила часть пленки, чтобы проверить подзабытую строчку. Тут с веселым смехом бежит ко мне, а я сижу на диване, и то ли хватается меня в охапку, то ли садится на колени мой внук. Странная сцена... Потом на экране вижу руку, на запястье - маленькие часики, рука движется по экрану влево, нет, это не моя рука, потому что не мои часики, это мамина рука, мамини часики, и я кричу внуку, мы вместе с ним крутим пленку: это моя мама! За рукой появляется и ее лицо. Ясно помню свою мысль: неужели оживет? Да, живая, она живая! Старенькая, но не совсем, такая, какой ухаживала за моими детьми, на даче, пока не появились мои собственные внуки... И вдруг невероятная, громадная тоска захватила сердце, и я, как тонущий человек, в надежде, что кто-то услышит, кричу...

Услышав свой крик, проснулась. Это было днем, ровно в три часа. Когда удается заснуть днем, а встаю я, к сожалению, очень рано, так что к 12 часам одна рабочая смена как бы уже позади, то, как правило, просыпаюсь с болью - то свело пальцы рук, то нога мучает, а тут лежу - и ничего не болит, но шевельнуться не могу. И очень не хочу просыпаться, лишь бы подольше удержать это лицо. Я видела во сне свою живую маму. Совсем забыла, что тоска может быть такой глубокой.

Сюрприз

Иногда люди так живописно пересказывают какую-нибудь из моих радиопередач, что она получается "сюжетной". Сначала я не верила, что такое вообще возможно. Но и Хана, и Рая пересказывали лично мне то, что они пересказали уже кому-то. А Моше, переплетчик, не раз "сообщал" о последней передаче в пересказе своего друга, потому что он сам, работая в типографии одной из иешив в Бней-Браке, стал носить кипу, а потом и ходить в синагогу, и радио по субботам больше не включал. Но чтобы мне пересказали, и не передачу, а опубликованный текст, этого не помню.

И вот сегодня - сюрприз.

Позвонил мужчина, назвался то ли Галкиным, то ли Белкиным, под конец я переспросила, как его зовут, но в это время по мобильнику позвонил сын, я оставляла ему с утра сообщение, ждала его звонка, и пока я извинялась, дорогой Галкин или Белкин, извините меня еще раз, если читаете эти строчки, я ведь вашего разрешения на публикацию не получила, может, у меня про-

скользнут и неточности... Признаюсь, что он так пересказал мне по телефону мой текст "Дневник Ямимы", прочитанный им то ли в газете, то ли в интернете, что у меня закипело в глазах...

На радио номера моего телефона не сообщают, иногда мне передают номер телефона звонившего, но все-таки бывает, что признаются в благодарности девушке с радио, имени которой не знают, называют просто "добрая душа".

Как бы мне сохранить его интонацию... Еще раз прошу прощения, если записала и знаки препинания расставила не совсем точно. Монолог мужчины записан почти сразу. Он показался мне удивительным:

"Для меня прожить детство с Ямимой было как побывать ею - девочкой, в разных местах и в разные этапы ее жизненной эпопеи - вот я в Киеве, чувствую то страшное, с погромами, стрельбой, называется время "революцией", но, несмотря на нее, дети учатся. И она, Ямима. Такого прилежания у себя не помню, да еще иврит (!), правда, когда мы приехали, да, я тоже из тех краев, мне было уже за тридцать. Иврит - сафа каша... Поэтому вернусь к девочке не на трудном иврите, а на русском... С едой плохо, пошили долгожданную обновку - пальтишко, а показать некому, на улицу не выйти - обуви нет, но ставят спектакли, спорят, ссорятся, мечтают о лучшей жизни... И я там, с ними. Грустное и смешное рядом. Потом я трясусь, мы трясемся на телеге, а где поесть и где помыться? И после всяческих мытарств добираемся не до страны, текущей молоком и медом, а в Польшу... И этот мужчина, ее отец! Бросить жену и детей, чтобы отправиться на какой-то там сионистский съезд. Ну, как же, дети без него обойдутся, а съезд без него никак... Сегодня мы разве лучше? О, извините, забыл, он ведь журналистом был, ну, тогда понять можно... И вот я уже на пароходе, но не по Волге, которую помню, а в чужом водном пространстве, на пароходе, где все языки смешались, а потом в странном Египте, где тети в черном и лиц не видно, а это уже Синай... Настоящий Синай? По которому те люди топали сорок лет? А мы, нет, это она, они ехали всего 14 часов! Она, с родителями, братьями, на верно, и другие, похожие на них идеалисты! Всего 14 часов - по пустыне, в песках? А если ветер? И был ветер. Песок в глазах, в ушах... Это точно не мы, не я. Такая алия не для белого человека! Сегодня по радио передавали, что завтра в израильском приморском городе Ашдод - премьера очень известной российской артистки. Сегодня она говорит из Москвы, а завтра будет выступать в Ашдоде - вот это я понимаю! А 14 часов по пустыне, в песке с ног до головы - и счастьем полна та голова? Ну, не знаю..."

Живешь - терпи

Вчера я совершила поступок: спон-

танно, с утра, собралась и отправилась навещать тетю Цилю. Это далеко, двумя автобусами туда, двумя обратно. Тяжело. Ее бейт-авот (дом для престарелых) находится на границе Бней-Брака и Рамат-Гана, серое неприятное здание, звонишь снизу, как в тюрьму. В ее отделении душно, но всегда чисто. Как-то тетя Циля сказала: зачем тебе чужие ортопеды (у двух я уже была, и оба готовы были тут же оперировать мою косточку за большие деньги), когда "есть Саша"! Так я узнала о существовании дальнего, конечно, родственника, хирурга-ортопеда Саши Р! В 90-е годы приехало много неизвестной мне родни - из Курска, Москвы, Ленинграда, но я почти никого не знаю: нет времени - нет родни. Как выразилась когда-то Хана, жена Илюши Л., умная женщина: дружба - это тот теленок, которого нужно подкармливать. Все мы заняты, всем жарко, с дочкой иногда по три дня не находим пяти минут поговорить. Саша работает в другой больницы кассе, не мог принять меня официально, в клинике, позвал домой, в Кирьят-Экрон. Живет вместе с родителями в большом трехэтажном доме. Симпатичный дом, симпатичный сам. Я оценила, что живут не только своей маленькой семьей, но и с родителями. Саша тогда сказал, что операция не опасная, опасно другое, то, что там вокруг косточки до трехсот маленьких нервочков, редко бывает, чтобы их не задели при операции. Часты заражения. Трудно восстановление. Поэтому он предлагает купить ортопедическую обувь, а когда боль нестерпимая, делать горячие ванночки и замораживать больное место спреем "свис-релиф"... Терплю и живу. Обувь ношу спортивную, фирмы "нью баланс", на ортопедические башмаки зря тратилась, так и стоят в шкафу, может, лежат, давно не виделись...

Недели три назад я позвонила Леве, отцу Саши, тоже бывшему врачу, спросила, бывают ли они у Циля. Нет, почти не ездят, далеко, но вот недавно, сказал он, Саша их возил, однако она никого не узнала... Значит, они были все-таки после моего последнего визита, месяца полтора или два назад, потому что меня она узнавала всякий раз. Потом я как-то закрутилась. Поехать к ней это, как минимум, полдня. Но один ее сын, Цвика, живет в Ришоне, знаю, что он ездит к ней постоянно. А Ханан, второй, далеко, в Нью-Йорке.

И вот, не позвонив в бейт-авот (обычно звоню и сообщаю, что приеду), в 8 утра уже была там. Нашла Цилю в столовой, они всегда все в столовой, им, как балеринам, надо спины держать и чтобы пролежней не было. Вот ее беленькая кудрявая головка, сидит она, как обычно, в инвалидной коляске... Я попросила разрешения ее вывезти, чтобы где-то посидеть отдельно, мне ее вывезли, но я заметила, конечно, что она подключена к питанию... Потом уже подумалось, что ни в лифт, ни на крышу здания, как прежде, ее

уже не повезешь... А коридор там длинный, я сидела на диване, она рядом, руки на столе-подставке. Я положила свою руку на ее парализованную, а она здоровой худенькой ручкой накрыла мою и сжимала ее... Один глаз приоткрыт больше другого и голова немножко набок... Я ей на ухо говорю: это я... Молчит, будто устала, то приоткрывает глаза, то закрывает и вроде дремлет. Подошла знакомая мне добровольная помощница Шошана, спрашивает у Циля: Циона, кто это? И та неожиданно четко произносит: бат ахи (не знаю, как Шошана, но я была потрясена!). Вопрос: разглядела ли она меня или вспомнила по имени, кто я? Я с ней говорила, пела на идиш, передавала от всех приветы, называла имена, она после каждого, кого помнила, сжимала мне руку или качала головой, я ее даже пару раз щелкнула. Послать ли тому сыну, что в Америке, не знаю. Снова убедилась: все там чистенько, тетя в свежей белой рубашке, но другие складывают кубики, пазлы, она - нет... Я поговорила с новой нянечкой Викой, она инженер из Днепропетровска, тут работает по душевной потребности, показала мне, что сама принесла для пациентов своей работы коврики с пришитыми, тоже из ткани, цветочками, какие-то шарики...

Циля не только не играет, она мало реагирует, хотя всплакнула, когда я ей пела, несколько раз, как-то болезненно, через крик...

Я простилась и ушла. Дошла до какого-то большого магазина, купила большую цветную банку - короб с деревянными кубиками, чтобы строить из них домики, может быть, замки, вернулась и подарила это Вике, для больных, конечно. Растроганная Вика проводила меня до лифта. Меня это сильно смутило. В автобусе подумала: что ее растрогало: сам подарок или то, что я попрощалась, ушла, а потом вернулась обратно? А я и сама не знаю, почему не поленилась, наверно, из-за Вики? Разве мы себя понимаем? А друг друга еще меньше...

Вот про нее, про свою единственную оставшуюся на свете тетю Цилю, что я знаю? С детства помню две вещи. Как она гонялась за мной с веткой малины, а я убегала, потому что она больно мыла мне голову, тянула за волосы. А еще то, что именно она принесла в Усть-Тальменку с узловой станции, где она работала радисткой, это километров триста от Барнаула, "Пионерскую правду" с сообщением, что война кончилась. Тогда и я узнала, что где-то была война. Об этом я написала в рассказе "Про детство", может, кому-то попался.

Я так думаю: когда сознание угасает, нам со стороны трудно знать, до какой степени, что именно происходит с больным, что он чувствует, помнит, понимает. Дома я просто свалилась и заснула. Проснулась от боли во всех косточках, но еще помнила, что видела сон про большую-большую птицу.

ОБ ИДИШЕ, ХОТЯ И НЕ НА ИДИШ

Снова древний сад расцвел в долине,
Там с далеким прошлым говорит
Тот язык, что не забыт поныне -
Память нашей вечности - иврит.

Старый дом зовет меня как будто.
Только я там странник, пилигрим.
Что мне делать с языком галута,
С невеселым праздником моим?

Эти строки поэт-идишист Моисей Лемстер посвятил трагической гибели от рук сталинских палачей выдающихся представителей еврейской интеллигенции в бывшем СССР 12 августа 1952 года. Ныне мы отмечаем 65-ую годовщину трагедии, итогом которой стал страшный удар, обрушившийся на идиш-культуру, и от этого потрясения она, едва уцелевшая в зареве Холокоста, не оправилась и по сей день. Чем дальше мы отодвигаемся от того "черного августа", тем масштабнее предстают перед нами фигуры замечательных литераторов, чья вина заключалась только в том, что они были евреями, мыслили и творили на "мамэ-лошн", который впитали с молоком своих матерей. А им вменяли в вину и то, что они пишут на "мертвом" языке, не понятном большинству советского народа, и, тем самым, отгораживаются от "братской семьи", которая заключила их в свои "объятия".

Идиш жив, хотя трудно сказать, достаточно ли те усилия, которые предпринимаются по его сохранению, для того чтобы его унаследовали новые поколения. В свое время, мне, ведущему поэтической рубрики "Еврейского камертона", довелось познакомиться с замечательным певцом и композитором Эмилем Горовцом, посвятившим свой талант развитию лучших традиций музыкальной идиш-культуры. В радиоинтервью, которое он дал во время своего последнего приезда в Израиль (было это в конце 1999 года) Горовцу был задан вопрос о будущем языка идиш. "Такой язык и такая культура не могут перестать существовать, - убежденно сказал Эмил Горовец. - Это все равно, как в бою: если знаменосец выпускает древко из рук, то знамя непременно подхватит другой". Слова эти можно считать духовным завещанием Горовца и обращением ко всем, кому тема эта близка и дорога: "Если не мы - то кто?". А недавно из жизни ушла еще одна подлинная подвижница, талантливая певица и педагог Нехам Лифшиц. Она основала и бессменно возглавляла долгие годы в Тель-Авиве мастер-класс, где возрождались к новой жизни музыкально-поэтические произведения, родившиеся в еврейских местечках Восточной Европы, сгоревших в пламени Холокоста, где пелись песни на стихи поэтов, безвинно убиенных в подвалах Лубянки в августе 1952 года сталинскими палачами.

О языке идиш написано немало стихов. Некоторые из них включены в подборку, предлагаемую вниманию наших читателей. Они проникнуты ностальгией по прошлому, болью утрат и потерь, но не только - в поэтических строках этих - огонек веры и надежды, что язык бабушек и дедушек будет сохранен для внуков и правнуков.

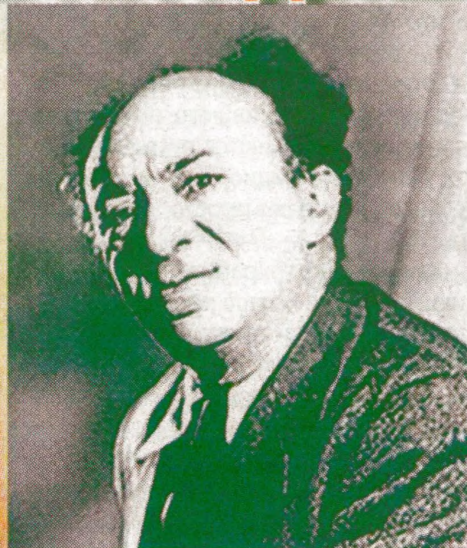

Нахум Горовиц

В августе, 12-го дня,
Небо неспроста вокруг багровым стало.
Боже мой, каких людей не стало
В августе, 12-го дня!
Боже мой, как твой народ велик,
Чтоб такую понесла потерю,
Почитать и славить вновь язык,
Возродить его, творить и верить.

Александр Городницкий

Жизнь как лето коротка,
Видишь?
Я не знаю языка
Идиш,
Достоянья моего
Предка,
Да и слышал я его
Редко.
Не учил его азы, -
Грустно.
Мой единственный язык -
Русский.
Но, состарившись, я как
Скрою
Разобщенье языка
С кровью?
Мой отец перед войной
С мамой
Говорил на нем порой,
Мало,
Чтобы я их разговор
Не понял.
Это все я до сих пор
Помню.
Я не знаю языка,
Значит,
Не на нем моя строка
Плачет.
Не на нем моя звенит
Песня,
И какой же я а ид,
Если
Позабыл я своего
Деда,
Словно нет мне до него
Дела?
Вдаль уносится река,
Жарко.
Я не знаю языка -
Жалко.

Марк Азов

Ты забыт, но ты не брошен -
В сердце боль и в горле крик -
"Мамэ-лошн", "мамэ-лошн",
Материнский мой язык.

"Мамэ-лошн" - свет на веках,
Теплый дом и добрый бог,
Мамин локон, бабин "леках" -
Детством пахнувший пирог.

Дом заброшен, луг не кошен,
И очаг забит золой...
"Мамэ-лошн", "мамэ-лошн" -
Рот, засыпанный землей...

Семен Кац

Забывший идиш до сих пор
Во мне проснётся с новой силой,
Как поведу я разговор
С отцом перед его могилой,

Как матери увижу взгляд,
Где смешаны любовь с упреком.
Нам идиш не вернуть назад.
Мы идиш вспомним ненароком

И погустим, и погустим,
О том, что всё невосполнимо.
Наш идиш - старый добрый мим,
Случайно проходивший мимо.

Елена Аксельрод

Старьевщик

"Алтэ захен, алтэ захен!" -
Бедуин кричит на идиш.
"Мамэ-лошн" - алтэ захен -
Разве этим нас обидишь?
Надрывается старьевщик:
- Позабудь свое местечко,
Был твой дед перелицовщик,
Просидел весь век за печкой.
Как сюртук того портняжки,
Твой язык перелицован,
Как братишкины рубашки,
Как наследие отцово...

Погоди, старьевщик юный,
Вынесу тебе, пожалуй,
Эти порванные струны,

Этот говор обветшалый.
От завещанного мамой
Мне остались слов осколки.
Пыль ее святого Храма
Ты трясешь в своей кошелке.

Инееса Ганкина

"Единственный член Союза белорусских писателей Григорий Релес, всю жизнь писавший на идише, просил своих гостей: "Друзья, а теперь давайте поговорим немножко на идише".
Из воспоминаний

Я сбиваюсь со счета,
суббота -
не время для плача.
Нет следов
на камнях,
и грошовая сдача
заменяла наследство.
Горят мои детские книжки,
говорите "аф идиш"...
Как пес-полукровка,
я не помню родни.
Костью в горле застряли
слова, и неловко
царапают память они.
"Мамэ-лошн" не знает меня,
но, в наследство вступая,
шевелю непослушно губами:
"Прости и прими..."

Хаим Бейдер

На идиш

Прищуриль глаза, он всерьез удивился,
Как будто я вдруг с того света свалился,
И молвил: "Неужто стихи свои пишешь
И вправду на идиш?"

Конечно, с вершины двадцатого века
Ему я пещерным кажусь человеком,
Вороною белой, чья песенка спета:
"Зачем тебе это?"

"Твой идиш? - спросил он. - Язык разве это?"
Не верю, что память не знает ответа:
Иль ты не имел здесь, в местечке на Буге,
Сестры иль подруги?

Иль, может, забыл ты,
что в ямах зловонных
Расстрелянных братьев лежат миллионы?!
Они ведь на идиш пред смертью кричали!
Не помнишь? - "Едва ли..."

А может, совсем не на идиш звучала
Та песня, что мама тебе напевала
Пред люлькой твоею, смеясь или плача?
Нет, глаз ты не спрячешь!

Ты лжешь! Пока сердце
в груди твоей бьется,
Как искра, язык этот в нем остается,
Но рвется наружу,
чтоб вспыхнуть как пламя.
Навеки он с нами!

И сколько б не знал языков ты, доньше
Наш идиш - и совесть твоя, и святыня.
Его, словно мать, что всех в мире дороже,
Предать ты не сможешь!
Перевод с идиш Семена Вайнבלата